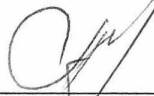

Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Факультет культурологии и социально-культурной деятельности
Кафедра менеджмента социально-культурной деятельности

СОГЛАСОВАНО

Заведующий кафедрой

_____ А.В.Макаревич
« 30 » ноября 2022г.

СОГЛАСОВАНО

Зам. декана факультета

_____ А.М. Стельмах
« 26 » декабря 2022г.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Для специальности 1-21 04 01 Культурология (по направлениям),
направления специальности 1-21 04 01-02 Культурология (прикладная)

Составитель:

Ю.Г. Балодис, доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности, кандидат культурологии, доцент учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Рассмотрено и утверждено на заседании Совета факультета культурологии и социально-культурной деятельности
(протокол № 5 от « 26 » декабря 2022г.

СОСТАВИТЕЛЬ

Ю.Г. Балодис, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат культурологии, доцент

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

И.В. Воробьёва, доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций учреждения образования «Белорусский государственный университет», кандидат культурологии, доцент;

Т.Ф. Сухоцкая, доцент кафедры культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат культурологии, доцент.

Рассмотрен и рекомендован к утверждению:

*Кафедрой менеджмента социально-культурной деятельности
(протокол от 30.11. 2022 № 4)*;

*Советом факультета культурологии и социально-культурной деятельности
(протокол от 26.12.2022 № 5)*

СОДЕРЖАНИЕ

1.	ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА	4
2.	ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
2.1.	Конспект лекций	7
3.	ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	
3.1.	Тематика семинарских, практических и лабораторных занятий	50
4.	РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ	
4.1.	Задания для контролируемой самостоятельной работы	56
4.2.	Примерный перечень вопросов к зачету	57
4.3.	Вопросы для письменного опроса по базовым понятиям учебной дисциплины	57
5.	ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ	
5.1.	Учебная программа	65
5.2.	Основная литература	83
5.3.	Дополнительная литература	83

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная дисциплина «Культура повседневности» преподается студентам различных специальностей и специализаций в современных российских и отечественных университетах (в том числе, в УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»). В нашем университете эта дисциплина имеет форму курса по выбору студентов.

Учебно-методический комплекс (далее – УМК) по учебной дисциплине «Культура повседневности» подготовлен на основании требований государственного стандарта высшего профессионального образования к содержанию и уровню подготовки выпускников по специальностям 1-21 04 01 Культурология (по направлениям), направления специальности 1-21 04 01-02 Культурология (прикладная).

Данный УМК состоит из одного одноименного раздела: «Культура повседневности». Этот раздел включает основные требования и организационно-методические указания по изучению курса, методические рекомендации по организации самостоятельной работы, а также порядок проведения контроля знаний студентов по дисциплине.

Цель УМК – сформировать у студентов комплекс знаний о культуре повседневности; выработать навыки практического применения знаний о повседневных аспектах культуры в практике профессиональной деятельности.

Изучение учебно-методического комплекса должно обеспечить уточнение профессиональных компетенций будущих культурологов-менеджеров, организаторов и методистов социально-культурной деятельности в культурно-досуговых учреждениях, искусствоведов.

Особенности изучения дисциплины обусловлены ее междисциплинарным характером, широким кругом научно-практических исследований в области современной культурологии. Большинство изучаемых проблем находятся на стыке различных социально-гуманитарных наук.

В теоретическом разделе УМК содержатся конспекты лекций. Материал структурирован по темам в соответствии с программой изучения курса. Учебно-методической картой дисциплины также определен круг вопросов, изложенных в основных источниках (см. список основной литературы) и рассчитанных на самостоятельное изучение студентами с последующим обсуждением на практических занятиях. Внеаудиторная самостоятельная работа студентов ориентирована на освоение и закрепление терминологии, углубление материала по ключевым вопросам учебной дисциплины.

Практический раздел – включает материалы для проведения практических занятий: тематику занятий, ключевые слова, вопросы и литературу, рекомендуемую для изучения. Также при подготовке к практическим занятиям студент может использовать любые релевантные источники информации.

В разделе контроля знаний – описан рекомендуемый диагностический инструментальный для оценки учебных достижений студентов, даны творческие

задания; приведены вопросы для письменного опроса по базовым понятиям учебной дисциплины и зачета.

Проблемные задания предполагают индивидуальную и групповую интеллектуальную деятельность по разрешению некоего сложного вопроса в проблемном поле культуры повседневности, рассуждение и ответ на дискуссионный вопрос с обоснованием своего мнения. Выполнение заданий требует устойчивых и глубоких знаний, понимания широкого круга вопросов и умения дискутировать по ним с преподавателем и другими студентами.

Исследовательские задачи относятся к заданиям самого высокого уровня, предполагающим проведение самостоятельной поисковой и аналитической деятельности, интеллектуальной работы с понятиями, концепциями, текстами, различными научными данными, результатами полевых исследований и экспериментов.

На протяжении изучения курса предусмотрено изучение теоретического материала, выполнение практических заданий, самоконтроль знаний, коллективное обсуждение, выступления на семинарах, выполнение проблемных и творческих заданий, итоговое обсуждение.

Вопросы к зачету сформулированы в соответствии с учебной программой. При итоговой аттестации учитываются, в первую очередь, результаты по выполнению исследовательских задач, проблемных и творческих заданий, знакомство с основной и дополнительной литературой по курсу, полнота и качество ответа на зачете.

Вспомогательный раздел УМК включает учебную программу, перечень учебных изданий и информационно-аналитических материалов, рекомендуемых для изучения дисциплины (списки основной и дополнительной литературы).

Для повышения эффективности изучения дисциплины «Культура повседневности» рекомендуется использовать передовые педагогические технологии для активизации мыслительной деятельности студентов (проблемное обучение, игровые и креативные технологии), для эффективности управления и организации учебного процесса (индивидуализация обучения, технология поэтапного формирования умственных действий), технологии учебно-исследовательской деятельности, коллективные и малогрупповые способы обучения и др.

В процессе преподавания дисциплины используется проблемно-ориентированная технология обучения; различные информационные и коммуникативные технологии; эффективные технологии учебной и исследовательской деятельности. Полезно использовать такие методы и формы работы, как презентации книг, дискуссии, «круглые столы» и др.

Знания и умения, полученные при изучении данной дисциплины, являются основой для освоения других дисциплин культурологического цикла фундаментальной и прикладной направленности: «Культурология», «Современная зарубежная культурология», специализированный модуль «Социология культуры», «Менеджмент в сфере культуры», «Маркетинг в сфере культуры», «Социально-культурное проектирование», «Арт-индустрия» и др.

В соответствии с учебным планом на изучение дисциплины «Культура повседневности» отведено 52 часа, из них 28 – аудиторные. Примерное распределение аудиторных часов по видам занятий: 16 лекционных, 12 практических часов. На контроль УСП студентов отводится 2 часа.

Рекомендуемая форма контроля знаний студентов – зачет.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1. Конспект лекций

ЛЕКЦИЯ 1

Предмет, методология и проблемное поле исследований повседневности

Феномен повседневности изучается рядом гуманитарных наук: философией, социологией, антропологией, культурологией, историей. Повседневность описывается через наиболее очевидные характеристики, одновременно объективные и субъективные.

С одной стороны, повседневное – это ежедневное, будничное, обыденное, повторяющееся изо дня в день. Повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают любого человека, что порождает субъективность суждений: у исследователя оказывается зачастую либо слишком много источников, либо слишком мало, чтобы точно судить об истории повседневной жизни человека.

С другой стороны, повседневность охватывает широкий круг феноменов: привычную трудовую деятельность, нормы и стратегии поведения, техники решения профессиональных и домашних проблем, сегмент развлечений (как частный случай потребления), стереотипы и предрассудки, которыми мы руководствуемся в своей деятельности. В рамках изучения культуры повседневности проводятся исследования условий жизни, труда, отдыха; факторов, влияющих на формирование сознания и нормы поведения отдельного человека и социальных групп. Объединяет эти подходы стремление изучить человеческий опыт, стратегии поведения в различных социальных условиях. Таким образом, в центре внимания истории повседневности оказывается комплексное исследование жизненного мира людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события. При этом каждая наука обнаруживает повседневность в чем-то своем.

Задолго до возникновения повседневной истории как направления будничная сторона жизни человека находила свое отражение в исторических трудах в виде дополнения или иллюстрации исторической реальности. Эти работы имели ярко выраженный фактографический характер, в них подробно описаны устройство мест обитания человека, организация быта, традиции поведения и общения, формы досуга.

Предметом особенного интереса фольклористов, этнографов и антропологов были этапные события в жизни человека, семьи и общества: рождение, достижение совершеннолетия, создание семьи, смерть. Для антрополога повседневность предстает как типичные действия и ежедневные ритуалы. Исследования акцентировали внимание на внешних формах проявления повседневности, пытались выделить ее компоненты.

Культура повседневности как научное направление находится в поле зрения ученых, занимающихся проблемами теории и истории культуры, исторической социологии и психологии. В настоящее время создано множество научных трудов, посвященных микромиру отдельного человека и социальному поведению отдельных социальных групп. Культурология повседневности сосредоточивается на ценностях и смыслах неспециализированных сфер культуры. Лингвокультурология выражает интерес к повседневности через изучение разговорного языка и просторечий.

Взятая как особая реальность, а не объект научного исследования, повседневность целостна и соединяет в себе различные аспекты – публичное и частное, высокое и низкое, физическое и интеллектуальное. Однако научные споры о сущности и границах повседневности далеки от завершения.

Понятие повседневности. Повседневность редко становится предметом поэзии, однако разговор о ней лишен терминологической определенности и часто сбивается на метафоры. Повседневная жизнь настолько очевидна и привычна, что попытки «отстранить» ее в научном дискурсе терпят поражение.

В самом общем виде повседневность описывается через наиболее очевидные характеристики, одновременно объективные и субъективные. Повседневное – всё рутинное, упорядоченное, привычное, типичное, субъективное, понятное и близкое каждому человеку в отдельности и человечеству в целом. Повседневность обязательна, неотменима для человека. Из неё нельзя «выйти».

Также повседневность можно охарактеризовать как особую сферу жизни человека. В этом случае она включает всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания. В этом случае повседневность охватывает привычную трудовую деятельность, этикетные формулы поведения, техники решения профессиональных и домашних проблем, сегмент развлечений (как частный случай потребления), стереотипы и предрассудки, которыми мы руководствуемся в своей деятельности.

Пожалуй, никакая другая сфера человеческого существования не воспринималась столь удаленной от культуры, как обыденная, повседневная жизнь. Повседневность лежала за пределами культуры, более того – считалась ее злейшим врагом. При этом список претензий, предъявляемых к повседневности, зависел от того, какие принципы и ценности доминировали в высокой культуре эпохи. Если базовыми ценностями средневековой культуры были дух, вечное, священное, то повседневность мыслилась как плотское, сиюминутное, профанное. Если эпоха Нового времени сделала ставку на разум, то она отвергла повседневность как сферу неразумного, автоматического, как мир предрассудков. Наконец, если романтики взяли курс на оригинальность и идеальный мир Другого, то для них повседневность оказалась сферой нетворческой, приземленной, прагматичной, что наиболее ярко проявилось в известном противопоставлении поэтов и филистеров.

Однако в XX в. началась реабилитация повседневности. Постепенно становилась очевидной закономерная мысль о том, что человек проводит большую часть жизни в среде повседневности и лишь время от времени покидает ее ради иных сфер опыта – искусства, науки, религии, т. е. всех тех, которые ранее составляли единственное содержание культуры. Именно повседневность задает ту систему координат, с позиций которой оцениваются все остальные области деятельности человека: «То, что происходит с человеком за пределами мира повседневности, – ситуации, события, факты иных сфер действительности он интерпретирует, опираясь на логику, приемы, концептуальную базу повседневного, обыденного мышления, здравого смысла» (В. Лелеко). Более того, апологеты повседневности заговорили о том, что она является основным пространством творчества, где создается все человеческое и сам человек. Тем самым повседневность стала приобретать черты культуры.

Тем не менее, в отличие от многих форм культуры, культура повседневности пока не получила должного институционального оформления. Она рождается и функционирует в сфере обыденной деятельности и является общедоступной. Можно быть причастным или не причастным к различным сферам специализированной высокой культуры, но нельзя существовать вне культуры повседневности. Благодаря этому свойству она образует тот фундамент, на котором строится дальнейшее усвоение культурных образцов.

По сравнению с высокой культурой культура повседневности значительно расширяет круг действующих субъектов. Для высокой культуры характерно очень ограниченное число действующих лиц (акторов), именуемых гениями, талантами, выдающимися личностями. Так или иначе, по отношению к ней большинство людей занимает достаточно пассивную позицию «страдательного лица» – зрителя, читателя, ученика. Не то в культуре повседневности. По сути, каждый человек – ее активный деятель, творящий смыслы повседневной жизни в разнообразных ситуациях взаимодействия с другими людьми.

Хотя культура повседневности по своим характеристикам сближается с массовой культурой, неверно было бы представлять ее оторванной от процессов «большой» культуры. Хотя культура повседневности создает собственные нормы и ценности, она также отражает многие идеи, смыслы и образы высокой культуры. Они активно взаимодействуют, и с течением времени связи между этими типами культуры все больше усиливаются. Свою роль в этом сыграло и книгопечатание, и распространение всеобщего образования, и развитие СМИ. Все эти явления обеспечили свободную циркуляцию идей, образов, ценностей высшего пласта культуры на уровне обыденной жизни. В результате повседневная жизнь стала строиться по лекалам, заданным образцами высокой культуры. С другой стороны, развитие культуры на современном этапе происходит в значительной мере под диктовку именно культуры повседневности, которая становится и темой высокой культуры, и источником ее новых норм и ценностей.

Повседневность – особый модус бытия человека и общества, первичный для человека. Культурологический ракурс исследования повседневности связан

с культурой повседневности, которая представляет собой ценностно-символический аспект повседневности. Среди многообразных трактовок культуры сущности повседневности отвечает представление о культуре как о способе жизни народа, группы или эпохи. В ней выделяется материальный уровень объектов и духовный уровень норм, ценностей, верований, убеждений, идей и принципов.

Культура повседневности – одна из популярных областей современного гуманитарного знания. Неуклонный рост интереса к ней свидетельствует и о стремлении науки о культуре освоить новые сферы, и о доминировании в современной культуре именно повседневного пласта. При этом интерес представляет как исследование повседневности в качестве относительно автономного «мира опыта» (А. Шютц), так и рассмотрение ее во взаимосвязи с другими сферами культуры. Изучение повседневности позволяет создать многомерную картину культуры в ее противоречивости и целостности. Сложившись как самостоятельное научное направление в 1960-е гг., культура повседневности стремительно развивалась как междисциплинарное поле исследований. За прошедшие десятилетия эта научная область обогатилась разнообразными концепциями и методами, раскрывающими различные грани обыденной жизни человека во взаимосвязи с социально-культурными процессами и явлениями. В поле внимания исследователей оказались не только вопросы исторической эволюции повседневности, но и актуальные проблемы современной культуры, проявляющиеся в том числе на уровне повседневных практик. В научный оборот были введены новые, порой очень неординарные объекты изучения – вещи, тело, пища, белье, одежда и костюм, дома и квартиры, елочные игрушки, шопинг. Культура повседневности стала притягательной сферой исследований.

Однако кажущаяся очевидность повседневных явлений и процессов зачастую таит опасность подмены научного анализа зарисовками из истории быта, а применительно к современности – наивным описанием личного опыта. Вместе с тем современный этап развития культурологии характеризуется стремлением к концептуализации повседневности, а значит, предполагает преодоление инерции обыденного мышления и «отстраненный» взгляд на привычные вещи. Повседневность требует особого языка описания и специфических исследовательских процедур, не менее строгих, нежели те, которые применяются к объектам высокой, профессиональной культуры.

ЛЕКЦИЯ 2

Основные подходы к исследованию культуры повседневности

Первые примеры интереса к повседневности мы видим у зарубежных и отечественных историков и литераторов во второй половине XIX в. Но первоначально изыскания в сфере повседневности не выходили за рамки бытописательства. Это была своего рода история нравов и этнографических подробностей ежедневной жизни определенных социальных групп. Эти труды,

безусловно, внесли свой вклад в изучение повседневности, но специфика повседневной жизни как особой сферы человеческого существования оставалась вне поля зрения.

Социологические исследования и культурологические концепции повседневности. Методологическую основу исследований повседневности заложил крупный немецкий философ Э. Гуссерль. В рамках феноменологической школы он пробудил интерес к внутреннему миру человека, процессу конструирования внешней реальности. Он выделил понятие жизненного мира человека, который окружает его на протяжении всей жизни, в рамках которого он существует и с которым связан различными нитями, видимыми и невидимыми.

В конце 1930-х гг. немецкий социолог, основатель «социогенетической теории цивилизаций» Н. Элиас задался вопросом: существует ли «повседневность» сама по себе? В знаменитой статье «О понятии повседневности» он показывал, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной структуры, но является составной частью структуры определенного социального слоя. Поскольку один слой нельзя рассматривать изолированно, повседневность является также частью властных структур всего общества». Он придал новое звучание проблеме роли повседневности в социуме, подчеркнув её влияние на развитие политической и социальной сфер общества.

Наиболее последовательно методология изучения повседневности разрабатывалась в рамках социологии (А. Шютц и др.). Повседневность для него была первична по отношению к другим сферам (мир фантазии, мир науки, мир искусства, мир религии, мир сна). Он рассматривал повседневную жизнь как верховную реальность, так как, во-первых, человек находится в ней большую часть своей жизни, во-вторых, она определяет характер, качество, суть человеческой жизни. Несмотря на то, что повседневность – это относительно автономная среда, по мнению учёного, в неё постоянно вторгаются другие формы культуры – мораль, искусство, наука, техника. Идеи А. Шюца быстро приобрели популярность и нашли развитие в трудах его последователей Т. Лукмана, П. Бергера, Г. Гарфинкеля, А. Сикуреля, И. Гофмана и др.

Важным шагом к выделению исследований повседневности в отрасль науки было появление в 1960-е гг. модернистских социологических концепций, прежде всего, теории социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана. Целью социального конструктивизма является выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности. Повседневная жизнь рассматривается как реальность, интерпретируемая и субъективно осмысляемая людьми в качестве «связного» мира. Системы смыслов конструируются социально и подтверждаются в процессах социальных взаимодействий. Общество заранее готовит нам исходный символический аппарат, с помощью которого мы постигаем мир, упорядочиваем свой опыт и интерпретируем собственное существование.

П. Бергер и Т. Лукман, предложили свою трактовку повседневной жизни: в их трудах повседневная жизнь предстает как реальность, интерпретируемая и субъективно осмысляемая людьми в качестве «связного» мира. Системы смыслов конструируются социально и подтверждаются в процессах социальных взаимодействий. Общество заранее готовит нам исходный символический аппарат, с помощью которого мы постигаем мир, упорядочиваем свой опыт и интерпретируем собственное существование. Точно так же общество «предоставляет» нам ценности, логику и запас информации (а также и предрассудков и ложных сведений), которые составляют наше «знание». Далеко не каждый в состоянии произвести переоценку не только всей навязанной обществом картины мира, но даже ее отдельных фрагментов. Зачастую человек не чувствует потребности в такой переоценке, так как усвоенный в процессе социализации взгляд на мир кажется ему самоочевидным. Поскольку ту или иную точку зрения разделяют почти все, с кем индивиду приходится иметь дело в рамках своего общества, такое мировоззрение не требует специальных подтверждений. Его «доказанность» лежит в постоянно воспроизводящемся опыте других людей, которые, между прочим, тоже воспринимают его как данность. Каждая социальная ситуация поддерживается производством смыслов, приносимых в нее различными участниками.

Эти представления организованы в два уровня. На первом уровне находятся наши повседневные знания, то, что входит в понятие «здравый смысл»: мы знаем, что через определенные промежутки времени восходит и заходит солнце, что если что-то хрупкое уронить на пол, то оно разобьется, и еще много столь же очевидного. Но есть и более высокий уровень, который связан с нашими представлениями о том, что такое наша жизнь, что такое добро и зло, т. е. представляет собой готовую копилку ответов на экзистенциальные вопросы. Эти знания помогают нам ориентироваться в мире, ставить перед собой цели и достигать их, избегать опасностей и просто чувствовать себя более или менее комфортно. Разумеется, эта рама не конструируется нами, и только нами. Мы во многом получаем ее через воспитание, научение, пример родителей и значимых других, через те образцы, которые предоставляет нам искусство. Однако уточнять эти модели мы обречены самостоятельно, в ходе собственного жизненного опыта, разделяемого с другими.

В 1960-х гг. группа социологов-этнометодологов под руководством Г. Гарфинкеля попыталась выработать правила, которые используют люди при осмыслении поведения других людей и для того, чтобы сделать свое собственное поведение понятным другим. Термин «этнометодология» введен в научный оборот учёным по аналогии с термином «этнонаука», которым обозначаются в культурной антропологии методы и формы примитивного ненаучного познания социальной действительности: магия, шаманство, спиритизм. У Гарфинкеля социальная реальность «конструируется» в процессе речевой коммуникации. Однако если социальный конструктивизм «работает» с правилами, которые с некоторыми коррективами можно применить к любой

области знания, этнометодология концентрируется на специфике повседневной коммуникации и повседневной культуры, стремясь выявить ее «грамматику». По мнению Гарфинкеля, социальный порядок есть продукт собственной спонтанной активности индивидов, который получается именно таким, каким его создали сами участники социального взаимодействия, разумеется, с учетом ранее обретенных правил и знаний, полученных от их культурной группы. Ключевым понятием этнометодологии являются «фоновые ожидания», т. е. представления социального субъекта в форме «правил» действия (поведения, понимания, объяснения и т. д.). Для выявления фоновых ожиданий Гарфинкель провел ряд экспериментов, цель которых заключалась в сознательном разрушении привычного механизма социальных взаимодействий. Так, Гарфинкель просил студентов, чтобы они после домашнего обеда не благодарили родителей, а расплатились с ними деньгами; при общении с друзьями давали им «на чай» за малейшие, самые обычные проявления хорошего тона и доброжелательности. Ученому важно было знать реакцию людей, которые, попав в нестандартную ситуацию, обнаруживали те нерелексированные мотивы, правила, установки, которые формировали их поведение.

Историко-социологические исследования повседневности. Важным направлением в исторической науке, которое изменило оптику исследований и обратилось к планомерному изучению культуры повседневности, стала так называемая «Школа «Анналов». «Школа «Анналов» – условное обозначение ряда французских историков XX в., группировавшихся вокруг исторического научного журнала «Анналы» (название незначительно менялось на протяжении с 1929 по 1994 гг.). Несмотря на многообразие интересов и методов анализа, представителей этого направления объединяли некоторые общие методологические идеи: междисциплинарность, предпочтение истолкования описанию, изучение человека в единстве всех его социальных ролей и культурных проявлений. Это позволило учёным обратиться к изучению той сферы, которая долгое время оставалась на периферии исторической науки, – повседневности.

Немалую роль в становлении культуры повседневности сыграло новое понимание сущности истории, предложенное учёными школы. Историко-культурный процесс трактовался с древности как единство статики и динамики, традиции и новации; путь построения исторической перспективы почти всегда был связан с описанием новаций. Школа «Анналов» сместила акценты понимания истории и утвердила в качестве центрального объекта интереса статику и традицию.

Долгое время во главе «Школы «Анналов» находились М. Блок и Л. Февр, которые сформулировали базовые характеристики истории повседневности как «науки о людях». Они поставили задачу восстановления истории в ее всеохватности и целостности, не ограничиваясь одной лишь политико-событийной, экономической, военной стороной. История повседневности была в их трудах частью макроконтекста жизни людей.

Наиболее фундаментальное исследование повседневности принадлежит Ф. Броделю. Его знаменитый труд «Структуры повседневности» дал мощный импульс переориентации исторических исследований, способствовал переходу от событийной политической истории и поисков общих закономерностей развития к аналитическому изучению психологических, демографических и историко-культурных сюжетов. Под влиянием трудов Ф. Броделя стали подробно изучаться взаимосвязи между образом жизни и бытом людей и их ментальностями. Приверженцы нового исторического видения сделали предметом своего внимания коллективные и индивидуальные ценности, привычки сознания, стереотипы поведения во всех сферах материальной жизни. Изучение повседневности в духе Ф. Броделя – это изучение человеческого сознания, психологии и социального поведения для понимания «духа времени».

Рассказывая о механизмах производства и обмена, учёный предложил видеть в экономике любого общества два уровня «структур» – жизни материальной и жизни нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень был назван им «структурами повседневности». К ним он отнес то, что окружает человека и опосредует его жизнь изо дня в день – географические и экологические условия жизни, трудовую деятельность, потребности (в жилище, в питании, одежде, лечении), возможности их удовлетворения (через технику и технологии). Для такого всестороннего изучения был необходим анализ взаимодействий между людьми, их поступков, ценностей и правил, форм и институтов брака, семьи, анализа религиозных культов, политической организации социума. Конечной целью «тотального» изучения прошлого должно было стать выявление некоего инварианта – неизменной величины, присутствующей в формах быта данной историко-культурной общности.

На протяжении 1954—1992 гг. учёными секретарями журнала являлись французские учёные Р. Мандру, М. Ферро, А. Бюргер и Б. Лепти. Представители третьего поколения школы «Анналов» Ж. Ле Гофф и Р. Шартье, дистанцируясь от Ф. Броделя, пытались ограничить «историю менталитета» в изучении повседневности. Микроисторический подход позволил привлечь во внимание множество частных судеб и изучить как несостоявшиеся возможности, так и случайные обстоятельства исторических событий. История повседневности близка к «истории частной жизни» и «устной истории», активно использует в качестве источника эгоисточники, автобиографии и биографии. Микроисторика поставили задачу исследовать не только обычный опыт, но и трансформацию повседневного поведения в экстремальных условиях. Общим для двух подходов, намеченных Ф. Броделем и микроисториками, было новое понимание прошлого как «истории снизу», позволяющего изучить жизнь «маленького человека».

Подобное понимание культуры повседневности сложилось в германской, итальянской и американской науке в 1980-е гг. Авторы сборника «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни» призвали написать «новую социальную историю» как историю рядовых,

обычных, незаметных людей. Х. Медик и А. Людтке полагали, что обращение к «микроисториям» людей или групп, носителей повседневных интересов позволит выявить проблемы культуры и предложить способы понимания повседневной жизни и поведения человека. Итальянские исследователи К. Гинзбург и Д. Леви обосновали необходимость учения случайного для анализа социальной идентичности⁹, ими была основана особая научная серия «Microstorie», в рамках которой публиковались работы, посвященные анализу взаимосвязи между индивидуальной рациональностью и коллективной идентичностью.

В конце 1980–1990-е гг. американские исследователи, сторонники «новой культурной истории» обратили внимание на необходимость изучения символов и смыслов повседневной жизни. Американский культуролог и антрополог К. Гирц трактовал повседневность как определенный тип опыта, действий и знаний. К. Гирц полагал, что повседневность – это определенный тип опыта, действий и знаний. Он считал, что любая культура дается человеку в иерархии символов и знаков, указывающих на определенные общественные структуры. Исследователь предпринял попытку расшифровывать символы и знаки, составляющие повседневные, типизированные людские практики.

Культура повседневности и cultural studies. В 1964 г. в Бирмингемском университете был создан Центр современных культурных исследований (Center for Contemporary Cultural Studies). В основе его деятельности лежало новое понимание культуры, сформулированное одним из основателей этого научного направления Р. Уильямсом. Согласно этой трактовке, культура есть способ жизни определенного сообщества. Подобное понимание культуры повседневности существенно расширило и круг объектов исследования, и диапазон применяемых методов. С этого момента и началось активное освоение культуры повседневности, уравненной в правах с другими типами культуры.

Интерес к культуре повседневности в рамках данного направления был связан, прежде всего, с исследованием отношений культуры и власти, с решением вопроса о том, как власть использует культуру для достижения собственных целей и как культура становится инструментом сопротивления властным стратегиям. Нереплексивный характер повседневности становится, по логике представителей cultural studies, необходимым условием некритического усвоения норм, ценностей и идеологем, транслируемых повседневной культурой. Следовательно, центральной задачей становится «выявление тех скрытых характеристик, а именно – власти и конфликта, которые пронизывают сферу повседневной культуры – прежде всего, популярной и медийной». Таковы, например, исследования круга чтения, популярных иллюстрированных журналов, телевизионных программ. Также именно в рамках cultural studies получило развитие изучение эмоций как феномена культуры.

Методологическая специфика cultural studies заключается в совмещении микро- и макроуровня анализа социальных и культурных процессов. С одной стороны, в поле внимания исследователей оказывается идеология и публичные

властные стратегии, с другой – повседневные практики и жизненные траектории отдельных людей в уникальности их биографий. Тем самым исследования повседневности позволяют реконструировать социально-культурные процессы, составляющие ее контекст. Но общий пафос, питающий *cultural studies*, одновременно открывает новые перспективы исследований и ограничивает круг анализируемых проблем, сводя рассмотрение любого явления повседневной культуры к вопросу о его политической функции и связи с идеологией.

Работы Г. Маркузе, одного из последних представителей третьего поколения **Франкфуртской школы философии и социологии**, направлены на анализ механизмов манипулирования сознанием на уровне повседневных практик. Он показал, как современная западная культура с ее достоинствами порождает опасную терпимость всех членов общества, «толстокожесть», «одномерность».

Французский культуролог **А. Лефевр** в своих работах «Критика повседневной жизни» и «Повседневная жизнь в современном мире» показал, насколько продуктивным может быть сопоставление субъективного переживания конкретной житейской ситуации с общими моделями, а также ожидаемого с действительным.

ЛЕКЦИЯ 3

Феномен повседневности

Традиция тематизации повседневности восходит к немецкому философу, основателю феноменологии Э. Гуссерлю, по мнению которого, основной целью различных социальных наук должна была стать выработка адекватного знания о социальной реальности (о совокупности объектов и явлений социокультурного мира, каким он предстает обыденному сознанию людей).

Наиболее подробная характеристика повседневности принадлежит австрийскому философу и социологу А. Шютцу, который ставит повседневность в один ряд с религией, игрой и научным теоретизированием, свойственными человеку. В книге «Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии» А. Шютц выделяет шесть признаков повседневности:

1. это активная трудовая деятельность, направленная на преобразование внешнего мира. Суть повседневной жизни заключается в решении практических задач, требующих преимущественно физических усилий и имеющих целью достижение максимального личного комфорта. Человек в повседневности не столько размышляет, сколько действует на основании неосознанных установок. Повседневная жизнь не предполагает интенсивной рефлексии. Это не означает, что обыденная деятельность лишена интеллектуального начала, но оно специфично. Повседневность не рациональна в том смысле, в котором рациональна наука. Ее логика – это ситуативная логика здравого смысла, нацеленная преимущественно на поиск оптимального способа существования в предлагаемых условиях;

2. это естественность установки. Повседневность не позволяет человеку сомневаться в том, что мир существует и он именно таков, каким человек его представляет. Эта убежденность подкрепляется тем, что повседневную жизнь мы всегда разделяем с другими людьми, которые ведут себя и мыслят так же, как мы, и в соответствии с нашими ожиданиями. Даже если время от времени происходят события, которые противоречат устоявшимся представлениям, человек, как правило, стремится разрешить это противоречие, выводя нестандартные ситуации за пределы повседневности и объясняя нарушения как розыгрыш, эксперимент или следствие нездоровья. Естественность установки – залог успешного существования в повседневном мире и устойчивости самой повседневности;

3. это особенное напряженное отношение к жизни. И природное, и социальное окружение человека динамично, а потому чревато возможностью неожиданного поворота событий, внезапно принимаемых решений, незапланированных действий. Человек в повседневной жизни постоянно оказывается в различных ситуациях, которые требуют от него быстрых и адекватных ответов, заставляют его действовать. Это подразумевает постоянное напряжение сознания и активную вовлеченность в происходящее (в отличие, например, от состояния сна);

4. это специфическое восприятие времени. Время повседневности – это циклическое время трудовых будней. Повседневность зиждется на ощущении «и завтра то же, что вчера», которое в определенных ситуациях может рождать скуку или усталость, но при этом является наиболее привычным для человека, не позволяя разрушать уже упомянутую естественность установки. Это профанный вариант «вечного возвращения», в котором каждый рабочий день служит своего рода микромоделью жизни в целом;

5. это личностная определенность индивида. В отличие от других миров опыта, в которых востребованы лишь отдельные социальные роли индивида, в повседневности человек участвует всей полнотой личности. Именно здесь, в процессе деятельности, происходит совмещение всех социальных ролей индивида и «собрание» его в целостную личность;

6. это особая форма социальности – типизированный мир. Обращение к повседневности, как правило, предполагает описание интересубъективной интерпретации. Однако повседневная реальность упорядочивается через отнесение ее объектов к определенным типам (или стереотипам). Именно они позволяют свободно ориентироваться и успешно действовать в мире повседневности. При встрече с незнакомым человеком мы стремимся соотнести его с уже известным нам типажом (мужчина, пожилой, иностранец и др.) и вести себя с ним в соответствии с подходящим алгоритмом. Эти типы и стереотипы не изобретаются индивидуально, а заимствуются из коллективного знания – ведь мир повседневности интересубъективен, т. е. создается и поддерживается людьми в процессе их взаимодействия. Источником типизаций служит язык – естественный язык, язык жестов, знаков, символов и др. Осваивая языки культуры, человек усваивает содержащиеся в них смысловые модели реальности и вступает во взаимодействие, вооруженный комплексом

неосознанных установок-предположений, среди которых одно из важнейших мест принадлежит предположению о взаимности перспектив: «Я принимаю на веру – и предполагаю, что другой поступает также». В повседневном общении мы подтверждаем эту взаимность перспектив выражениями «войдите в мое положение», «встаньте на мое место». Весь повседневный мир строится на идее повторяемости и предсказуемости, что позволяет экономить усилия. Соответственно, чем более предсказуемым является поведение индивида, поведение окружающих нас людей, тем более комфортно мы чувствуем себя в мире, тем проще нам поддерживать социальный порядок и отыскивать свое место в нем.

А. Шютц развил программу Гуссерля в социологическую теорию, основанную на описании повседневного мышления. «Жизненный мир» для Шютца – это донаучный и вненаучный мир, предшествующий научно-теоретическому миру, который представляет собой его «опредмечивание». В жизненном мире сокрыты очевидности, обеспечивающие доступ к реальности. Следовательно, обыденный человек, погруженный в жизненный мир и непосредственно переживающий его, обладает бесконечными преимуществами перед человеком науки. Жизненный мир – мир, складывающийся из intersubъективных отношений между людьми, где, в ходе непосредственных контактов между индивидами, вырабатываются лично окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы. В то же время, жизненный мир представляет собой мир естественной установки – «наивную» точку зрения находящегося в конкретной ситуации «я».

Прототипом социального взаимодействия в повседневной жизни является ситуация «лицом к лицу», в которой я конституирую другого как конституирующего меня самого в тот же самый момент. Такая пространственно-временная общность достижима оттого, что повседневность как реальность равно доступна обоим партнерам и содержит равно интересные (релевантные) для них объекты. Следуя Гуссерлю, Шютц отмечает, что для повседневности характерны идеализации «и так дальше» и «я могу это снова», предполагающие бесконечную повторяемость объектов и направленных на них действий субъекта. Перенос внимания с типики личности на типичу действий приводит к возрастанию анонимности повседневных ситуаций. Как в ситуации «лицом к лицу», так и в более распространенных ситуациях повседневности происходит обмен экспрессивностями, предполагающий отсутствие саморефлексии, когда «я» воспринимается в «зеркале» другого.

На уровне социальной реальности мир переживается человеком в терминах типического. Жизненный мир состоит из рутинных действий, языковых конструкций, посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают о нем. Это знание Шютц называет знанием первого порядка. Такое знание о мире представляет собой набор типических конструкторов, которые направляют и предопределяют понятность социальных ситуаций. Объекты и явления на этом уровне воспринимаются в терминах их типических характеристик, т.е. характеристик, общих для всей совокупности объектов данной категории. По Шютцу – повседневный мир – это по

необходимости интересубъективный мир, и только это делает возможной осмысленную коммуникацию. Человек вступает в мир, содержащий некую совокупность разделенного всеми индивидами знания, и, усваивая уже установленные значения, он начинает соучаствовать в социальном мире. Социальные действия осуществляются посредством значений первого порядка.

Выявленные А. Шютцем характеристики повседневности подвергались критике. Оппоненты указывали, что многие из признаков повседневной реальности, которые учёный считал универсальными, присущи только тому типу повседневности, в котором живет сам исследователь, но не повседневному бытию в целом.

Постулат А. Шютца о том, что жизненный мир задает правила интерпретации социальных явлений, обусловил возникновение тенденции использовать в социальной философии феномен языка и технику его анализа (как структуры, которая бы, с одной стороны, не оставалась жестко неизменной, а, с другой, в своей пластичности содержала бы некоторые устойчивые нормы описания поведения). Эта тенденция во многом проявилась в исследованиях «Философии обыденного языка» (Л. Витгенштейна, Дж. Остина и их последователей), а также французской исторической «Школы Анналов».

Л. Витгенштейн заметил, что поведение дрессированных животных отличается от социально ориентированных действий человека тем, что последние коммуникативны по своей природе, правила и нормы этой коммуникации действуют иначе, чем законы природы, которые нельзя нарушить, ибо они основаны на интересубъективности. Языковые правила устанавливаются в контексте жизненного мира, и эта связь языка с формами жизни является основополагающей для семиотического варианта «понимающей социологии». Органичная связь языка с социальными институтами раскрывается в понятии «языковой игры» людей. Витгенштейн определял ее так: «Язык и деятельность, которая с ним сплетена, называется языковой игрой». Этим существенно расширяется горизонт понимания, которое не ограничивается пониманием значения понятий, а включает волевые, эмоциональные компоненты. Консенсус совместной деятельности людей образует основу единства символов, а реконструкция правил употребления языка приводит к основаниям жизненных практик.

Существуют различные обстоятельства повседневности, позволяющие говорить о ней как о статичной, но поддающейся изменению реальности. Ведь повседневность – сфера деятельности, а потому в ней всегда присутствует элемент творческой активности. Однако повседневное творчество не предполагает грандиозных открытий, но позволяет подобрать оптимальный способ решения практической задачи, наиболее уместный в данных обстоятельствах. Таковы разнообразные способы обживания нового дома или казенного неудобного пространства, создания блюд из имеющегося в распоряжении хозяйки набора продуктов, починка старых вещей.

Сущность повседневности проясняется еще больше, если сопоставить ее с другими понятиями, которые зачастую употребляются как синонимы. Чаще

всего знак равенства ставят между понятиями «повседневность» и «быт», как двумя наиболее всеобъемлющими категориями. С одной стороны, быт понимается достаточно широко. В него входят формы поведения, нравы, образ жизни, особенности материального мира повседневности. По мнению выдающегося советского культуролога Ю. М. Лотмана, «быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение». С другой стороны, быт – это формальная, наиболее устойчивая часть обыденной жизни человека и общества. Это всегда коллективный феномен. Если в обыденной речи часто упоминаются «бытовые проблемы», то научное понятие быта беспроblemно, это, скорее, область готовых решений. Динамичное начало обыденной жизни находится за пределами быта. Как отмечает Н. Пушкарева, быт обычно противопоставляется сфере производственного труда, что подчеркивает его статичность и инертность. Повседневность же, хотя и включает в себе элемент устойчивости, изменчива и деятельна.

Еще одно понятие, близкое к повседневности, – частная жизнь. Частная жизнь ограничена пределами дома и межличностными внутрисемейными отношениями и связана с понятием интимности. Наиболее часто она ассоциируется с женским и детским миром, для которых является основной сферой. В мужской повседневности частная жизнь появляется сравнительно поздно – в эпоху Нового времени. Наконец, понятие частной жизни распространяется главным образом на городскую жизнь, на ту форму социальности, в которой сосуществуют публичная и приватная сферы и грань между ними очевидна.

Быт и частная жизнь соотносятся с повседневностью как части и целое, охватывая отдельные ее сферы, но не исчерпывая всего содержания.

Таким образом, повседневность предстает как обобщающее понятие, которое включает в себя не только объективные условия ежедневного существования и устойчивые стереотипные образцы поведения и решения проблем, но и субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни.

ЛЕКЦИЯ 4

Качественные методы исследования культуры повседневности

В определении методов изучения культуры повседневности нет абсолютного единства. Основными методами исследования являются:

- case studies – исследование отдельных биографий, включение истории личности в локальные контексты деревень или городских районов;
- исследование долговременных трансформаций социокультурной сферы;
- символическая антропология (определение терминов и значений, которыми человек измеряет свои поступки);
- «плотное описание» – объяснение поступков через заложенное в них символическое описание;
- «вчитывание в текст» – размышление об обстоятельствах высказанных в тексте идей и оценок, проникновение во внутренние смыслы сообщенного.

Для исследователя повседневности основной задачей при анализе полученных источников являются обстоятельства высказывания запечатленных в нем идей и оценок, анализ внутренних смыслов сообщенного, выявление недоговоренностей. Фокус анализа историка повседневности – изучение социального с точки зрения индивида.

Индивид в исследованиях повседневности воспроизводится действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах. Реконструкция повседневной жизни людей неизбежно ставит ряд методологических проблем, которые связаны со сложностями обобщения и оценок многообразных, часто взаимоисключающих данных, раскрывающих внутреннюю неоднородность и изменчивую динамичность хода повседневной жизни. Отдельные ее детали не могут автоматически свидетельствовать об исторической реальности. Исследовательский процесс должен обязательно сопровождаться реконструкцией отдельных элементов в единую систему их взаимосвязей. Поэтому при изучении повседневности необходимо безусловное сочетание методов микро- и макроуровней исторического исследования.

Проблематика повседневности включает в себя самый широкий круг предметов, отношений и явлений, которые очень трудно ранжировать по степени значимости. При всех различиях в подходах к повседневности, в отечественной и зарубежной науке выделяются следующие группы, относящиеся к данной проблематике:

- макро- и микросреда обитания (природа, город, деревня, жилище);
- человеческое тело и заботы о его биологических и социокультурных функциях;
- ключевые, поворотные личностно и социально значимые моменты в жизни человека (рождение, создание семьи, семья и семейные отношения, смерть), межличностные отношения в различных микросоциальных группах (территориальных, профессиональных, конфессиональных и пр.);
- досуг (игры, развлечения, общественные и семейные праздники и обряды) др.

Специалист по культуре современной повседневности имеет возможность расширить свою источниковедческую базу за счет свидетельств живущих респондентов-информаторов, то есть использовать метод сбора и записи жизненных историй – интервью всех видов (нарративных, полуструктурированных, биографических, лейтмотивных, фокусированных и прочих). Исследователи, не располагающие возможностями лично и вслух задать вопрос прошлому, работают с традиционными письменными памятниками. Среди них они выделяют прежде всего документы: биографии, мемуары, дневники и письма. Именно они позволяют понять человека и его поступки в конкретной ситуации, то, что отличает его повседневность от жизни и поведения других, находящихся в тех же обстоятельствах.

При анализе повседневности применяются психологические приемы вживания и эмпатии, этнографические и социологические методы включенного наблюдения. Исследователь должен привести микроисторические изыскания в

единую систему взаимосвязей, сравнить получаемые им выводы для определения степени типичности ситуации или реакции через привлечение иных источников.

При проведении исследований применяют т.н. **«жесткие» и «мягкие» методы**. Мягкими называют методы, при использовании которых не создается искусственная среда, и исследователь никак не влияет на объект исследования. Это, как правило, анализ различных естественных источников информации, существующих вне зависимости от исследователя. Таким методам противостоят исследовательские инструменты, при использовании которых ученый вступает в контакт с представителями различных социальных групп - носителями стереотипов, нарушая тем самым естественность ситуации и оказывая на них определенное влияние.

Одним из наиболее распространенных методов исследования национальных стереотипов мышления является **прямой опрос** респондентов. Точнее сказать, это целая группа методов, включающая в себя различные виды и формы опроса. Суть метода очень проста: исследователь задает конкретные вопросы, респондент отвечает на них. Естественно, что опрашиваемые знают о том, что проводится научное исследование, как правило, информированы о его целях и дали свое согласие на участие в нем.

Использование прямых опросов сопряжено, однако, с целым рядом проблем. Отчасти эти проблемы обусловлены самой темой исследования. Любые вопросы этнического, национально-культурного характера относятся к числу сложных. Они могут быть связаны с историческим «грузом» межнациональных конфликтов, дискриминации, войн и вызвать негативные эмоции у респондента. Кроме того, в обыденном сознании стереотипы - это нечто плохое, несовместимое с идеями политкорректности, толерантности и мультикультурализма, то, чего нужно избегать современному культурному человеку. Особенно сильное общественное и институциональное давление в этом смысле существует в Европе и США, где демонстрация стереотипов в отношении каких-либо групп населения в высказываниях и поведении считается социально неприемлемой. Респондент может осознанно или неосознанно дать социально желательные ответы, даже если на самом деле он чувствует и думает иначе, не желая показаться ксенофобом, расистом, националистом и др. Возникает проблема достоверности, полученной с помощью прямого опроса информации.

С точки зрения процедуры основной проблемой использования прямых опросов является тот факт, что на респондента оказывается более или менее выраженное давление. Респондент поставлен в такую ситуацию, когда он в большей или меньшей степени вынужден приписывать некие характеристики тому или иному народу. Степень жесткости оказываемого давления будет разной в зависимости от конкретной методики исследования. Наибольшее давление оказывается при использовании вопросов закрытого типа, когда респонденту предлагаются заранее сформулированные варианты ответа, из которых он должен выбрать. Одной из первых методик такого типа в исследовании стереотипов была методика «Приписывание качеств» Д. Катца и

К. Брейли (1933 г.). Респонденты должны были выбирать характеристики для определенных этнических групп из подготовленного исследователями списка качеств.

Еще меньше свободы предоставляется респонденту при **использовании полярных шкал**, как, например, в методе семантического дифференциала Ч. Осгуда. В этом методе используется полярная шкала качеств, например: веселый - угрюмый, отзывчивый - эгоистичный. На ней нужно отметить, насколько выражено качество у какого-то народа (от 0 до 7 баллов). Респондент вынужден принимать какое-то решение в отношении конкретного качества, даже если оно никогда не присутствовало в его авто- или гетеростереотипе и, соответственно, не играет в нем никакой роли. Фактически респондент должен выбрать одно из двух антонимичных качеств в каждой паре (ср.: 5 качеств из 84 в списке Катца и Брейли). Полярные шкалы применяются во многих психосемантических методиках, например в методике Д. Пибоди, в методике «множественной идентификации» В. Петренко (1988 г.). Отметим, что в методике Пибоди для нейтрализации влияния социальной желательности введена компенсирующая шкала, в которую включены характеристики, апеллирующие к тем же свойствам личности, но по-другому оценивающие их. Например, паре качеств «веселый - угрюмый» в компенсирующей шкале соответствует пара «легкомысленный - серьезный», где социально желательное качество находится уже на другом полюсе шкалы.

В методиках закрытого типа могут быть и другие форматы выбора ответа: альтернативный выбор (да/нет, согласен/не согласен), ранжирование (например, по степени вероятности), множественный выбор по шкале, выражающей отношение, оценку респондента. Последний формат используется, например, в работе В. Гончаровой (2008 г.) при определении степени абсолютизации стереотипных черт. Исследовательница предлагает студентам выразить мнение относительно наличия тех или иных качеств в английском национальном характере, таких как прагматизм, консерватизм, сдержанность, и других, выбирая из следующих вариантов ответа: «многозначно, не уверен, черта относительна», «часто встречается, но много исключений», «почти точно, исключения редки», «однозначно, исключений нет». Пример альтернативного выбора можно найти в исследованиях автостереотипа русских, где респондентам предлагается отметить, согласны они или нет с некоторыми русскими пословицами.

Каким бы не было количество вариантов ответа в опросах закрытого типа, оно неизбежно не будет устраивать часть опрашиваемых, поскольку в них может отсутствовать наиболее оптимальный для конкретного респондента ответ. Предложенные исследователем варианты могут иметь тенденциозный характер и подталкивать к определенному ответу. Однако у вопросов закрытого типа есть и преимущества: они требуют мало времени и усилий для ответа со стороны респондента, а также в связи с их стандартизованностью легче обрабатываются, в том числе с помощью статистических компьютерных программ. Эти преимущества позволяют опросить большое число респондентов

и получить репрезентативные данные, что чрезвычайно важно для исследования социальных стереотипов как коллективных представлений.

Более «мягкими» считаются **вопросы открытого типа**, где респондент самостоятельно формулирует свой ответ в свободной форме. Сопоставляя вопросы закрытого и открытого типа, О. Леонтович (2011 г.) выделяет следующие достоинства последних:

- они не навязывают респонденту ответ;
- в них не содержатся подсказки;
- они рассчитаны на получение более богатой и тонкой информации;
- они позволяют расширить классификацию ответов постфактум, по результатам опроса.

Развернутые ответы на вопросы открытого типа более интересны и информативны, их ценность для исследователя выше. К недостаткам вопросов открытого типа можно отнести их трудоемкость, как для респондента при формулировании ответа, так и для исследователя на этапе обработки данных. Поэтому количество вопросов открытого типа должно быть относительно небольшим.

Примерами открытых вопросов в исследовании стереотипов могут быть следующие: «Назовите, пожалуйста, пять качеств, присущих большинству русских»; «Wie würden Sie einen typischen Deutschen charakterisieren? / Как бы Вы охарактеризовали типичного немца?»; «Какие черты, с Вашей точки зрения, определяют немецкий национальный характер?». Иногда исследователь просит респондентов назвать несколько положительных и отрицательных характеристик какого-либо народа. Однако в такой формулировке задания есть элемент давления на респондента, он «чувствует себя обязанным «придумать» недостатки или достоинства, которые в его системе стереотипов могут и отсутствовать.

В целом, вопрос о том, насколько формулировка задания или вопроса может или должна «подталкивать» респондентов к активации стереотипов, является проблемным и дискуссионным.

Оптимальное сочетание сфокусированности на предмете исследования и свободы выражения респондентов присутствует в **методиках свободного ассоциативного описания**. Большинство методик ассоциативного типа основаны на ассоциативной модели понимания стереотипов как семантической сети связанных атрибутов (свойств). Задания для респондентов могут быть сформулированы, например, следующим образом: «Какие ассоциации у Вас возникают при слове Германия?»; «Woran denken Sie, wenn Sie an Deutschland denken? / О чем Вы думаете, когда Вы думаете о Германии?»; «Woran denken Sie, wenn Sie „Osterreich“ und die „Osterreicher“ horen? / О чем Вы думаете, когда слышите „Австрия“ и „австрийцы?». Как видим, по форме это вопросы открытого типа. Ассоциации к словам-стимулам могут быть самыми разными, не всегда стереотипными. Никто не принуждает участника опроса фиксировать в ходе ассоциативного описания только распространенные в обществе стереотипы. Респондент чувствует себя более свободно, ведь спонтанная

ассоциация не должна отражать его личное мнение, суждение об определенном народе.

Вернемся к прямым опросам и рассмотрим их различные формы, а именно письменные (анкетирование) и устные опросы (интервьюирование). **Анкетирование** экономично с точки зрения материальных и временных затрат, его легче организовать, полученные данные можно быстрее обработать, особенно если применялся компьютерный вариант опроса. Анкетирование позволяет охватить достаточно большое число респондентов. Опрос в письменной форме можно провести анонимно, тогда респондент будет чувствовать себя более безопасно в массе опрашиваемых и, скорее всего, даст более искренние ответы. Это позволяет частично нейтрализовать влияние социальной желательности в поведении респондента. Однако при составлении анкеты необходимо помнить, что объем запрашиваемой информации должен быть относительно небольшим, а анкета, соответственно, достаточно короткой. Рекомендуемое время на заполнение анкеты не более 20-30 минут. Более трудоемкие анкеты утомляют респондента, вызывают раздражение, ухудшение внимания, что снижает качество заполнения анкеты. Степень развернутости ответов на вопросы открытого типа зависит от мотивации респондента. Как показывает практика, большинство участников анкетирования стремится давать скорее короткие, нежели подробные ответы. Во время анкетирования невозможно воздействовать на респондента и побудить его к более развернутому ответу или описанию деталей и нюансов. Респондент по разным причинам может не дать никакого ответа на некоторые вопросы анкеты, которые оказываются потерянными для исследователя.

Существуют различные виды **интервью** (устных опросов). В зависимости от того, насколько точно и строго еще до начала интервью определены формулировки вопросов и порядок их предъявления, различают структурированные, полуструктурированные и неструктурированные интервью. По характеру содержания и особенностям ведения интервью также выделяется несколько видов интервью, из которых для исследования национальных стереотипов в контексте межкультурной коммуникации, на наш взгляд, особенно важно глубинное, фокусированное и нарративное интервью.

Интервью предполагает непосредственный контакт исследователя с респондентом. Может использоваться и дистанционная форма общения - по телефону или через Интернет, например, с помощью программы Skype. Более распространено индивидуальное общение с респондентом, один на один, но существует и особая форма интервью – в фокусных группах, когда для проведения исследования формируется специальная группа. По цели исследования интервью подразделяются на предварительные/разведывательные (они применяются на стадии пилотного опроса), основные и контрольные.

Для большинства респондентов устная форма общения является гораздо более легкой и привычной, беседа о чем-либо воспринимается как нечто непринужденное и не требующее больших усилий по сравнению с изложением того же самого содержания в письменной форме. При установлении

благоприятного психологического климата во время интервью многие респонденты охотно описывают подробности определенных событий, с готовностью отвечают на дополнительные вопросы. Поэтому использование интервью как метода исследования позволяет получить более полную и глубокую информацию. Интервью записывается с помощью аудио- или видеоаппаратуры, затем транскрибируется по определенным правилам и в печатном виде может быть представлено учебной или научной общественности для подробного изучения. Таким образом, полученные данные могут быть сохранены в полном объеме и подвергнуты многократному анализу, как и при использовании письменного опроса. С помощью интервью помимо вербальной информации может быть собрана и подвергнута анализу информация о невербальных реакциях респондента (паузах, мимике, жестах, позах и т.д.), что также может обогатить исследование.

Однако у интервью как метода исследования есть некоторые недостатки и ограничения. Во-первых, его эффективность во многом зависит от коммуникативной компетенции интервьюера, и в этом смысле метод интервью предъявляет к исследователю достаточно высокие требования. Можно сказать, что быть хорошим интервьюером – это искусство. Г. Германн (2011 г.) сравнивает исследовательское интервью с импровизированной театральной драмой, которая разыгрывается обоими участниками общения при ведущей роли интервьюера. Однако это искусство, которому можно научиться. Вторым существенным ограничением использования метода интервью является его большая трудоемкость, обусловленная сложностью и временными затратами на этапе организации и проведения интервью, а также на этапе обработки полученных данных.

Следует отметить, что помимо коммуникативной, профессиональной компетенции исследователя и его личностных особенностей в исследовании национальных/этнических стереотипов, как и в других этнопсихологических и этносоциологических исследованиях, важную роль играет национальность интервьюера. Рекомендуются выбор интервьюеров той национальности, представители которой опрашиваются (З. Сикевич, 1999 г.). В такой ситуации респондент будет отвечать на вопросы представителю «своей» же группы, чувствуя себя более комфортно и свободно, не боясь «потерять лицо», даже если он высказывается отрицательно о других группах. Если же интервьюер представляет тот народ, стереотипы о котором исследуются, то респондент будет учитывать этот факт при формулировании ответов, например, стараясь не обидеть собеседника и произвести на него хорошее впечатление. Большая откровенность в разговоре «среди своих» сопряжена, однако, с другой проблемой: национальные стереотипы являются общеизвестными, само собой разумеющимися представлениями внутри группы, поэтому респонденты уклоняются от вербализации конкретных стереотипов, справедливо полагая, что интервьюер «и так их прекрасно знает», и часто используют их в разговоре имплицитно, лишь подразумевая, не называя конкретные характеристики. Экспликация этих представлений требует дополнительных усилий со стороны интервьюера. Национальность исследователя имеет значение и при проведении

письменных опросов, поскольку респондент, как правило, знает, кто будет читать его анкету. При непосредственном межличностном контакте во время интервью этот фактор приобретает большее значение.

После проведения интервью на этапе обработки и анализа данных также желательно привлекать в качестве экспертов представителей той национальной культуры, о которой идет речь в исследовании. Это позволит преодолеть этноцентристские проявления в интерпретации исследователем полученных данных, сочетать взгляд изнутри с взглядом извне и обеспечить достоверность результатов. Это особенно важно для исследования национальных стереотипов в контексте межкультурной коммуникации.

Качественные методы исследования. Повседневность выступает как отрасль знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события. При изучении повседневности, которая менее доступна для масштабных выборочных обследований, в социологии чаще всего используют наряду с классическими методами методы, основанные на приближении к нарративности повседневной жизни (case studies, анализ «профанных» текстов, биографический метод или «историю жизни»).

Важным методом познания является понимание и интерпретация личностных смыслов в социологических понятиях. Изучение концентрируется на уровне микроанализа конкретных ситуаций социального взаимодействия. Язык исследования максимально приближен к практике повседневного общения. Следовательно, качественный метод как инструмент является составной частью специфической методологии, которую можно назвать качественной или гуманистической. Качественные методы как способ микроанализа используются для изучения субъективного, индивидуального, локального – там, где необходимо пристальное изучение конкретных людей в конкретных ситуациях. Качественное исследовательское интервью направлено на то, чтобы понять мир с точки зрения собеседника, раскрыть смысл переживания человека, увидеть мир, в котором он живет, прежде чем давать ему научное объяснение.

Например, в беседе-интервью исследователь слушает то, что сами люди говорят о мире, в котором живут; слышит, как они выражают свои взгляды и мнения своими собственными словами; узнает об их взглядах на ситуацию на работе и в семье, об их мечтах и надеждах. Исследователь, имеющий дело с повседневной жизнью людей, более широко использует их обыденный язык, зачастую приводит большие цитаты из разговорной речи, поэтому описательный язык качественной социологии ближе к обыденному разговорному языку. В нем часто присутствуют метафоры и аналогии, образы, заимствованные из других областей знания.

Таким образом, качественный метод является незаменимым способом сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах.

ЛЕКЦИЯ 5

Оповседневничество как механизм воспроизводства культуры повседневности

Повседневность стала предметом пристального анализа философов, историков, социологов сравнительно недавно. Статус самостоятельной философской категории повседневность обретает в трудах Э. Гуссерля, М. Вебера и А. Шютца.

В своих поздних работах Э. Гуссерль обращается к идее «жизненного мира» (Lebenswelt) – значимого для человека мира первоначальных допредикативных истин, очевидностей, конституируемых в деятельности трансцендентальной субъективности. Отчасти Э. Гуссерль отождествлял жизненный мир с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективности, т.е. с миром естественной установки, предшествующей научной объективности.

«Оповседневничество» для М. Вебера – одно из центральных понятий в проблематике стабилизации кризиса, нововведения, возникновения нового религиозного течения, становления социального порядка и т.д.

А. Шютц пытается синтезировать идеи Э. Гуссерля и социологические установки М. Вебера, использовавшего в своих работах термин «оповседневничество», под которым он понимал процесс обживания, обучения, освоения и закрепления традиций. В этом процессе повседневность выступает как «сфера», где собираются и хранятся смысловые осадки прошлого опыта.

В работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» П. Бергер и Т. Лукман исследуют многообразие форм знаний в обществе, а также те процессы, «с помощью которых любая система «знания» становится социально признанной в качестве реальности». Причем, в центре реальности, с их точки зрения, стоит именно реальность повседневной жизни. Она определена потребностями человека, в процессе удовлетворения которых все иные реальности отходят на периферию его сознания и в это время несущественны. Эти другие реальности выступают в качестве «областей конечных значений», своего рода анклавов информации, куда сознание индивида возвращается в зависимости от необходимости. Реальность повседневной жизни не однородна, она разделена на сектора. Первая группа секторов – это привычная реальность повседневной жизни человека. Вторая – проблематичная группа секторов, еще не освоенная человеком часть повседневности. Главное условие существования повседневной реальности, по П. Бергеру и Т. Лукману, – это взаимодействие людей, а ее прототип – ситуация восприятия другого «лицом к лицу». П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня и четыре способа социального конструирования реальности:

– **хабитуализация**, т.е. опривычивание (от англ. habitual – привычный), превращение в повседневность: «Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и тем же практическим усилием»;

– **типизация**, которая разделяет объекты на классы (мужчина, покупатель, европеец и пр.), упрощающие социальное взаимодействие. Человек воспринимает другого как определенный тип и начинает с ним взаимодействие в ситуации, которая сама по себе типична. «Социальная реальность повседневности представлена совокупностью типизаций, которые в своей сумме создают повторяющиеся образцы взаимодействия и составляют социальную структуру»;

– **институционализация**. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт»;

– **легитимация**, которая делает «объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации». Легитимация имеет несколько уровней – от простой передачи значений новому поколению до выстраивания обширных полей значений, того, что часто называют символическим универсумом – целостной системой фиксации и интерпретации реальности, своего рода матрицы всех социально объективированных и субъективно разделяемых значений. «Легитимация как процесс лучше всего может быть описана в качестве смысловой объективации «второго порядка». Легитимация создает новые значения, служащие для интеграции тех значений, которые уже свойственны различным институциональным процессам. Функция легитимации заключается в том, чтобы сделать объективно доступными и субъективно вероятными уже институционализированные объективации «первого порядка». Полный цикл социального конструирования реальности включает указанные способы в качестве ступеней.

Повседневность невозможно описать исключительно как что-то стабильное и неизменное. Это особенно заметно при сопоставлении быта различных эпох, но и более короткие временные отрезки обнаруживают постоянные изменения в повседневной жизни. Она формируется в результате двух процессов, которые немецкий философ Б. Вальденфельс назвал оповседневниванием и расповседневниванием. Привычное становится таковым в результате многократного повторения, а некогда обязательные элементы повседневности в силу их постепенного забвения утрачивают связь с обыденной жизнью. Еще пару десятилетий назад использование мобильного телефона в обыденной практике рассматривалось как нечто неординарное и для отдельного человека, и для мирового сообщества в целом. Для современного человека постоянная мобильная связь – неотъемлемый элемент повседневной жизни. Таким образом, границы повседневности постоянно пересматриваются. Что-то становится привычным, обыденным, а что-то, наоборот, начинает

восприниматься как выход за границы повседневного существования. Это в равной мере верно и для отдельного человека (по мере взросления все больше событий, казавшихся в детстве занимательными приключениями, становятся частью рутины), и для социума в целом.

Интересна точка зрения Б. Вальденфельса, который соглашается с положениями, сформулированными Н. Элиасом, недооценка которых влечет за собой отрицательные последствия для исследования повседневности. Во-первых, нельзя превращать повседневную жизнь в универсальную категорию, под которую подводятся совершенно различные категории населения разных стран в разное время. Во-вторых, не следует обыденную жизнь представлять в качестве особой автономной сферы, отделенной от общества с его структурами власти. Обыденную жизнь можно тематизировать различными способами. Вальденфельс за исходную точку берет проблему специфичной рациональности обыденной жизни. Рациональность он понимает в широком смысле слова как то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности. Автор рассматривает повседневное не только как привычное, упорядоченное, близкое, но и как дилетантское, импровизированное, смутное, а мир повседневности - ограниченный, замкнутый в себе самом. Таким образом, повседневность теряет свою ценность? Нет, вернее, можно возродить ценность повседневного, если рассматривать ее как процесс, в котором происходит формирование и организация человека и общества. Данный процесс М. Вебер назвал «оповседневнивание». Сюда относится процесс обживания, который принимает формы обучения, освоения традиций и закрепления норм. В этом процессе повседневность выступает в качестве сферы, где собираются и хранятся своего рода смысловые осадки. В конечном счете, оповседневнивание затрагивает все сферы, включая науку, искусство, религию. Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил. В итоге повседневность, в которой смешиваются элементы разных смысловых сфер, Вальденфельс назвал «плавильным тиглем рациональности».

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что складывается ситуация, когда социальная философия оказывается не «над» повседневностью и не «внутри» научного познания, а между тем и другим. Возникают задачи «на введение» опыта повседневности в социальные науки и придание им человеческого, индивидуального смысла и задачи «на введение» опыта научного обществознания в описание структур повседневности, соответственно, в практику взаимодействия разных типов социальности.

В российской науке проблемы повседневной культуры тесно связаны с исследованием традиционной народной культуры, народной традиции, фольклора и этнографии. Понятие «повседневность» в отечественных исторических исследованиях употребляется с середины 1980-х годов, преимущественно медиевистами и специалистами по женской истории. Группа историков из разных институтов РАН во главе Ю. Бессмертным и А. Гуревичем создали рабочую группу по изучению «истории повседневности», стали

выпускать альманах «Одиссей» и ежегодник «Казус». Они призывали отказаться от изучения одних только универсальных закономерностей в пользу исторических реконструкций истории отдельного человека и семьи. Повседневность изучалась в рамках антропологического подхода (Т. Бернштам, И. Кон, А. Топорков, С. Лурье, Т. Щепаньский, Н. Козлова) и структурно-лингвистического направления (Ю. Лотман, В. Иванов, В. Топоров, Т. Цивьян, В. Успенский). Так Ю. Лотман рассматривал бытовое поведение как единство традиционного и необычного. Особенности поведения служили для учёного особым «шифром» к скрытому за ними культурному коду, ключом к пониманию и оценке общественной позиции индивида.

В последние десятилетия тема повседневности привлекает все больше внимания отечественных исследователей. Все они, вслед за А. Щютцем, отмечают такие существенные характеристики повседневности, как «бодрствующее внимание», привязанность к практической деятельности, коммуникативность, типизирующую интерсубъективность. Ключевым понятием для исследования внутренней динамики повседневности выступает понятие «опыт». Оно многозначно и трактуется по-разному. Е.В. Золотухина-Аболина, например, понимает под «опытом» все богатство переживаемых и мыслимых содержаний субъективности. Именно субъективности, поскольку все данности «объективного мира» (или «интерсубъективного мира», что часто совпадает) человек обнаруживает только через гамму личных переживаний.

В энциклопедии «Культурология XX век» Л. Ионин пишет: «повседневная жизнь – процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками. Другие признаки повседневного переживания и поведения: нерелективность, отсутствие личностной вовлеченности в ситуации, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия. Повседневность противопоставляется: как будни – досугу и празднику; как общедоступные формы – высшим специализированным ее формам; как жизненная рутина – мгновениям острого психологического напряжения; как действительность – идеалу».

В конце XX – начале XXI в. повседневность стала объектом пристального внимания российских историков. Академик Ю. Поляков отмечал, что задача истории повседневности создать образ жизни отдельного человека и групп людей в историческом разрезе, «выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями». Н. Пушкарёва полагает, что предметом истории повседневности является сфера человеческой обыденности. Разработке методологических аспектов истории повседневности, определению структуры повседневности и основных направлений в её изучении, использованию в исследованиях микроисторических подходов посвящены работы А. Курьяновича, В. Лелеко, Л. Репиной и др. А. Сенявским и Б. Могильницким обосновывается идея о необходимости синтеза микро- и макроподходов исторического исследования.

Современные исследователи полагают, что в центре внимания «историка повседневности» должны находиться событийная история, история быта и ментальности.

В 2002 г. был создан научный совет РАН «Человек в повседневности: прошлое и настоящее» под председательством академика Ю. Полякова. История демографических проблем, семьи и брака, жизненных условий и проблем досуга стала предметом обсуждения многочисленных конференций и круглых столов различного уровня. В монографии В. Безгина рассмотрены различные стороны крестьянской повседневности конца XIX – начала XX вв. На основе архивных материалов дан анализ состояния сельских традиций в период модернизации страны. Автором были исследованы проблемы хозяйственной деятельности, общинного уклада, духовные традиции и семейный быт русского крестьянства.

С середины 1990-х годов активно исследовались различные аспекты советской повседневности. Так, Н. Козловой, на основе анализа и интерпретации текстов советской эпохи: писем, воспоминаний, дневников, показана специфика процессов превращения крестьянина в городского жителя. В монографии Е. Зубковой акцентируется внимание на общественных настроениях населения в сложный период перехода от войны к миру в первое послевоенное десятилетие. Методологическим проблемам истории повседневности, а также различным видам повседневности посвящены региональные и международные научно-практические конференции.

На протяжении XX в. произошли радикальные изменения в сфере обитания и образа жизни доминирующей части общества. Методологические подходы к анализу городской повседневности представлены в работах А. Каменского, С. Малышевой, А. Сенявского. В работах Н. Лебиной на примере Ленинграда анализируются досуг, частная жизнь, девиантное поведение городского населения. Омскими учеными рассмотрена динамика изменений социокультурных и историко-культурологических признаков инфраструктуры пространства крупных городов Западной Сибири.

В различных регионах России за последние годы появились научные работы, где в рамках истории повседневности углубленно изучаются такие аспекты, как повседневность сельского населения, военная и церковная повседневность, городская и рабочая повседневность, поднимается вопрос об особенностях трансформации «традиционного» поведения в экстремальных жизненных условиях. В российской исторической науке большой интерес проявляется к изучению как дореволюционной, так и советской повседневности: менталитета, сознания, мышления, образа жизни, бытовых условий и др. Благодаря усовершенствованию методики исторических исследований, увеличению количества новых используемых источников это одно из перспективных направлений в будущем, естественным образом вливающееся в комплексное изучение человека.

В качестве содержательных характеристик культуры повседневности в трудах отечественных культурологов, социологов и историков культуры чаще всего выделяют:

- социокультурные стереотипы повседневности, связанные с этническими, этическими, эстетическими, морально-нравственными особенностями людей;
- традиционные механизмы повседневной культуры, включающие традиции, обычаи, обряды, ритуалы, компоненты повседневного бытового уклада, дом (жилище) и его особенности;
- типичные формы рекреации в повседневном укладе;
- характер включенности в повседневный быт искусства, политики, уникальных событий, то есть того, что можно назвать «высокой» культурой;
- внутреннюю типологию повседневной трудовой деятельности, в качестве структурных компонентов которой можно указать такие, как обыденность труда, домашний бытовой уклад, досуг и развлечения.

ЛЕКЦИЯ 6

Повседневность и ментальность

Культура как форма общественного сознания отражает двуединство общества — всегда состоящего из индивидов, самовоспроизводящих себя в процессе повседневной практики, и из норм и представлений, основанных на обобщении этой практики и регулирующих поведение этих индивидов в процессе той же практики. Охватывая обе эти сферы, культура знает как бы два движения — движение «вверх», к отвлечению от повседневных забот каждого, к обобщению жизненной практики людей в идеях и образах, в науке, искусстве и просвещении, в теоретическом познании, и движение «вниз» — к самой этой практике, к регуляторам повседневного существования и деятельности — привычкам, вкусам, стереотипам поведения, отношениям в пределах социальных микрогрупп, быту и др.

В пределах первого из указанных типов культура воспринимает себя и воспринимается обществом как Культура. Отвлеченная от эмпирии повседневного существования и бесконечности индивидуального многообразия, она тяготеет к закреплению в традиции и к респектабельности, к профессионализации деятелей, ее создающих, к восприятию более или менее подготовленной аудиторией и в этом смысле к элитарности. В пределах второго из указанных типов культура растворена в повседневном существовании и его эмпирии, в материально-пространственной и предметной среде, как правило, не воспринимает себя как Культуру в первом, респектабельном, смысле и тяготеет к тому представлению о себе, в соответствии с которым употребляют слово «культура» в археологии, то есть имея в виду совокупность характеристик практической, производственной и бытовой жизни людей данного общества в данную эпоху.

Некогда существовала очень широкая полоса исторического развития, где описанные два регистра культуры еще не разделились, и их нераздельность выражалась в определенных типах общественного поведения. Эту полосу исторического развития составляли так называемые архаические общества и,

соответственно, архаические культуры, а этими типами общественного поведения были ритуалы и обряды. Суть архаического мировосприятия состоит в том, что любые существенные действия из тех, что составляют и заполняют человеческую жизнь — рождение, брак, смерть, основание города, дома или храма, освоение новой территории, запашка земли, повторяющиеся празднества, прием пищи и т. д., — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоторого прадействия, средством же такого повторения и доказательством его реальности служит ритуал. В результате между основными моментами трудового и повседневно-бытового обихода, с одной стороны, и образами коллективно-трудовой и космически-мировой жизни - с другой, то есть между двумя намеченными выше регистрами культуры, устанавливались отношения параллелизма, внутренней связи и взаимообусловленности.

В большинстве мифологий, например, существует представление об отделении богами тверди от хляби и о выделении организованного, упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Поэтому овладение новой землей, будь то на основе военного ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным, реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Таким образом, с течением времени типологически архаическое единство обоих регистров оказалось изжитым вместе с образованием классов и государства. Произошло отделение интересов общественного целого и его идеологической санкции от интересов и быта, труда и жизни простых людей. Первые тяготеют к обособлению от повседневности, к величию и официализации, вторые ищут себе форм более непосредственно жизненных, переживаемых каждым, более соответствующих его повседневным чувствам и интересам, его духовному горизонту. Так возникает ряд характеристик культурного процесса, устойчиво сохранявшихся на всем протяжении огромной эпохи вплоть до XIX в. К их числу относится, стремление высокой Культуры замкнуться в социально ограниченном кругу и выражать себя на особом языке, доступном этому кругу, но непонятном остальным.

Ещё М.Т. Цицерон говорил, что он пользуется одним латинским языком в суде или в сенате и' совсем другим у себя дома. Дальнейшее развитие народного латинского языка привело к образованию национальных романских языков (французский, итальянский, испанский и др.), в других случаях народ продолжал пользоваться своими исконными языками, с латинским не связанными, но над всем этим пестрым многообразием местных и повседневных средств общения от Лиссабона до Кракова и от Стокгольма до Сицилии царил единый и неизменный, грамматически упорядоченный, искусственно восстановленный и сохраняемый язык, ценный в глазах носителей его — юристов и священников, врачей и философов — именно тем, что в своей отвлеченности от всего местного, частного, непосредственно

жизненного он соответствовал величию и характеру Культуры. Для «слишком человеческого» здесь места не оставалось.

Аристотель разделил все жанры словесного искусства на высокие и низкие, противопоставляя эпос, трагедию, героическую поэму комедии, сатире, легкой поэзии, и деление это сохранилось на долгие века, вплоть до XVII—XVIII вв.

Еще одним проявлением потребности высокой Культуры в эталоне явилась выработка риторики как «особого вида искусного красноречия». И в античную эпоху, и на протяжении последующих столетий риторика означала, во-первых, расчленение и организацию мысли по пунктам, по разделам, с выделением главного, с четкой постановкой вопроса и четкими выводами, во-вторых— использование для выражения мыслей и чувств некогда уже удачно найденных, более или менее клишированных словесных блоков. Основной её смысл риторики состоит в создании текста, обеспечивающего яркость, силу и эстетическую убедительность выражения путем апелляции к логике, к исторической и образной памяти несравненно больше, чем к непосредственному индивидуальному переживанию.

В этих условиях очень многое в частной повседневной жизни людей, равно как в их верованиях, надеждах, взглядах, чувствах, не находило себе ни выражения, ни удовлетворения в сфере высокой Культуры. Такие взгляды, чувства и чаяния искали самостоятельную возможность выразить себя и порождали особый модус общественного сознания, альтернативный по отношению к высокой Culture. Он существовал на протяжении истории в двух основных формах. Одна из них характерна для развитых классовых обществ от античности до, в широком смысле слова, нашего времени. Она представлена так называемой низовой культурой народных масс и соотнесена с так называемым плебейским протестом против Culture. Другая форма своеобразного противостояния высокой Culture складывалась в несравненно более глубоких слоях исторического бытия и характерна для архаических обществ. К ней относится все связанное с принципом переживания жизни и культуры «наизнанку».

Так, еще в мифах и преданиях обнаруживается потребность человека периодически освобождаться от цивилизации и культуры, от строя и порядка. В качестве носителя этого странного, словно бы незаконного протеста рядом с культурным героем встает его диалектически отрицательная ипостась, ему враждебная и от него неотделимая. В науке такой «антигерой» получил название трикстера (англ. *trickster*— «обманщик, ловкач», от слова народно-латинского происхождения *trick* — «фокус, трюк, ловкий прием»).

Некоторые исследователи считают, что герои и события-перевертыши связаны с известным античным мифом о «золотом веке». Ярким примером является карнавал. Суть карнавала, отчасти и кое-где проявляющаяся до сих пор, изначально состояла в том, что в определенные моменты года (обычно летом, после сбора урожая, или в декабре — январе, при открытии кладовых с новым урожаем) на несколько дней социальная структура, культурные нормы и моральные заповеди как бы переворачивались вверх дном.

В Древнем Вавилоне на место царя на несколько дней избирался раб. В Средние века в Европе избирался карнавальный король шутов; в конце карнавала его судили, приговаривали к смертной казни и торжественно сжигали его чучело, но до того он оглашал завещание, в котором красноречиво разоблачал грехи «приличного общества». В античной Греции по завершении сбора урожая отмечались Кронии — праздник, аналогичный римским Сатурналиям. Неделя с 17 по 23 декабря посвящалась Сатурну - богу обильных урожаев и олицетворению «золотых» — доцивилизованных и докультурных — времен. В память о нем хозяева усаживали рабов за свой стол, угощали их и сами им прислуживали, женщины надевали мужскую тогу — знак гражданства, которого они в Риме были практически лишены, -которая в этих обстоятельствах становилась символом распущенности и продажности; табуировались все виды деятельности, связанные с насилием, принуждением, организацией: судопроизводство и исполнение приговоров, проведение собраний и военных наборов, установление границ земельных участков и огораживание их, подведение быков под ярмо, стрижка овец. Вся неделя проходила в веселых застольях, во время которых люди делали друг другу подарки. Смысл этих празднеств состоял в том, что «золотой век», олицетворенный Сатурном, воспринимался народом как «время до времени», не знавшее благ, но зато и в первую очередь не знавшее тягот общественной организации, цивилизации и культуры.

Народное представление о «золотом веке» нашло широкое отражение и в римской литературе. Овидий перечисляет его признаки с предельной четкостью: отсутствие судов и письменных законов, войн, труда, мореплавания и неотделимого от него общения с иноземцами.

Таким образом, на множестве примеров мы убеждаемся в наличии т.н. двух регистров культуры, противопоставлении строгости сакральных и профессиональных пластов культуры и безбрежности жизни.

В середине XX в. Л. Февр и М. Блок призывали учёных отказаться от академической, «историзирующей» истории, науки «ножниц и клея», нанятой одними только текстами и воплощающейся в «блестящих докладах» и «непроходимом криволезье диссертаций». Они призывали повернуться «лицом к ветру», к жгучим проблемам современности, привлекая для их разрешения опыт людей прошлого, а значит воскрешая жизнь этих людей во всей ее полноте и сложности – их привычки чувствовать и мыслить, их повседневную жизнь, их способы борьбы с обстоятельствами. Пользуясь данными географии, экономики, психологии, лингвистики, Блок и Февр стремились к воссозданию не отдельных сторон действительности, а целостного представления о жизни людей, людей «из плоти и крови». «Удобства ради, - писал Февр, человека можно притянуть к делу за что угодно – за ногу, за руку, а то и за волосы, но, едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком. Человека невозможно разять на части - иначе он погибнет»; а между тем, продолжал он, историки «нередко только тем и занимаются».

Возникшая в итоге развития общества «новая наука» сегодня представлена целым спектром историографических течений, таких как новая

экономическая история, новая социальная история, историческая демография, история ментальностей, история повседневности, микроистория, а также рядом более узких направлений исследования (история женщин, тела, питания, болезней, смерти, детства, старости, сна, жестов и т.д.).

Развитие «новой науки» также было динамичным. Так например, после смерти основателя «Школы «Анналов» Л. Февра в 1956 г. и ухода с поста главного редактора Ф. Броделя, новое поколение учёных в лице Ж.Дюби и Р.Мандру при поддержке Ж.Ле Гоффам, А.Бюргера и М.Ферро подвергло критике подходы Броделя за абстрактность и схематизм. Благодаря открытиям молодых учёных в широкий научный оборот вошла история ментальностей и историческая антропология (под несомненным влиянием британской культурантропологии и структурной антропологии К. Леви-Стросса).

ЛЕКЦИЯ 7

Социальное конструирование повседневной реальности

Повседневность как дом человека. Закрепившееся представление о повседневности как о первичном мире опыта привело к утверждению метафоры «повседневность – дом человека», которая в той или иной мере проявляется в различных исследованиях повседневной культуры. Однако ответ на вопрос о границах и внутреннем устройстве этого «дома» не однозначен.

В самом общем виде пространство повседневности может быть представлено как система мест, в которых осуществляется деятельность, направленная на удовлетворение жизненных потребностей. Круг этих мест охватывает дом, места работы, транспортные артерии, территории торговли (магазины, рынки, торгово-развлекательные центры), предприятия сферы услуг (заведения общественного питания, парикмахерские, мастерские, поликлиники) и др. Особый локус пространства повседневности образуют так называемые «третьи места», т. е. нейтральные территории для неформальных встреч сообщества (Р. Ольденбург «Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества»). К их числу относятся дворы многоквартирных домов, небольшие магазины в спальных районах, кафе и кофейни. Это пространства свободного бескорыстного общения, личного участия в делах, не связанных с соображениями долга, цели, ответственности, роли.

Однако подход к пространству повседневности как к совокупности мест носит описательный характер и не раскрывает особенностей бытования этого типа пространства, а потому возникает необходимость в теоретическом осмыслении специфики пространственных и временных параметров повседневного бытия.

Базовая теоретическая схема пространства повседневности предложена Н. Новиковой, которая выделяет в нем три сферы: пространство быта, предметного мира; пространство повседневной рефлексии; пространство переживаний. Пространство повседневности предстает в данном случае как

пространство деятельной активности, ментальности и эмоциональности, вызывающее различные поведенческие, мыслительные и психоэмоциональные реакции.

Развивая и уточняя эту идею, пространство повседневности, как частный случай пространства культуры, можно рассматривать двояко. Во-первых, это пространство манипуляций с объектами и осуществления практической деятельности. Во-вторых, это пространство взаимодействия с другими людьми и решения задач коммуникации и интеракции. Исходя из этого, пространство повседневности может быть проанализировано как физическое и как социальное пространство.

Пространство повседневности как физическое пространство. С точки зрения взаимодействия человека с объектами пространство повседневности представляет собой особый вариант физического пространства. Именно такую трактовку предлагает известный российский исследователь повседневности В. Лелеко. В этом случае пространство повседневности есть определенный фрагмент ландшафта, в котором разворачивается рутинная деятельность человека. Оно обладает материально-чувственными координатами и может быть рассмотрено в трех модусах – собственно физическом, перцептуальном и концептуальном.

Собственно физическое пространство повседневности трехмерно, наполнено предметами и доступно непосредственному практическому освоению. Это пространство обыденной преобразовательной деятельности человека. Основная особенность, отличающая данное пространство повседневности от других типов физического пространства, заключается в том, что в качестве точки отсчета принимается индивид, вокруг которого оно и организуется.

Для физического пространства актуально понятие границы. Во-первых, это внешняя граница, очерчивающая пределы повседневности для человека. Обычно эта граница проходит по границам города или другого населенного пункта, в котором постоянно проживает человек. Она может отодвигаться и захватывать, например, пригород или окружающий природный ландшафт и даже включать в себя несколько населенных пунктов, если повседневная деятельность человека связана с регулярными перемещениями между ними. За пределами пространства повседневности остаются места путешествий, командировок, проживания дальних родственников, т.е. географически удаленные от точки постоянного пребывания человека.

Во-вторых, внутри себя физическое пространство повседневности также дифференцировано. Наиболее важным противопоставлением, организующим структуру пространства, является оппозиция внешнего и внутреннего. Внутреннее пространство – это пространство дома, которое на протяжении многих веков служит ядром пространства повседневности. Именно дом воспринимается как главный локус повседневного бытия человека. Внешнее пространство представляет собой сферу активного освоения за пределами дома. Своего рода «буферной зоной» служит пространство, непосредственно прилегающее к дому, – двор, подъезд, часть улицы возле дома. В свою очередь

и внешнее и внутреннее пространство также неоднородно. Внутри дома выделяются места сна, общения, приготовления и потребления пищи, ухода за телом. Это зонирование может подтверждаться стенами или перегородками, а может не иметь внешнего выражения, но осознаваться обитателями дома и поддерживаться в их деятельности, как это происходило, например, в комнатах советских коммунальных квартир. Еще более разнообразно в функциональном отношении внешнее пространство.

Перцептуальное пространство повседневности – это пространство, непосредственно воспринимаемое органами чувств. Если собственно физическое пространство осваивается в процессе деятельности и определяется непосредственным присутствием в нем человека, то перцептуальное пространство фиксируется чувственно, прежде всего при помощи зрения и слуха. Этим обусловлено и расширение его границ по сравнению с физическим пространством. В перцептуальное пространство входят те элементы окружающего мира, которые мы видим, например, из окна общественного транспорта, слышим, даже если источник звука находится вне пределов досягаемости (звуки, раздающиеся со спортивной площадки соседнего квартала). Перцептуальный модус пространства связан также с ощущением физических параметров места проживания, работы или отдыха как комфортных или некомфортных.

На протяжении большей части истории человечества границы физического и перцептуального пространства различались незначительно. Однако появление технических средств фиксации и передачи звука и изображения привело к тому, что в современной культуре повседневное перцептуальное пространство несопоставимо по своим размерам с физическим. Телевизионные программы, интернет-сайты, на которых представлены картины повседневной жизни других народов, иллюстрации в журналах, а также радиопередачи – все это включает в наше повседневное пространство фрагменты пространства, с которыми мы не имеем дело непосредственно, и расширяет границы повседневности до пределов Вселенной. Особый способ расширения перцептуального пространства предлагают телефонная связь и особенно Skype.

Концептуальное, или культурное, пространство повседневности представляет собой мир смыслов и символических значений, которыми наделяется физическое пространство. В нем можно выделить несколько семантических пластов. Прежде всего, это символические смыслы планировки и декора, восходящие к мифологическим и религиозным представлениям. Их ценность была особенно велика в традиционной культуре, в которой грань между символическим и утилитарным оставалась зыбкой, а традиционное жилище отражало модель мироздания. Однако и в современной культуре сохраняются рудименты этих представлений. Далее, концептуальное измерение пространства выражает его функциональные характеристики и тесно связано с реализацией утилитарных ценностей. Это также достаточно устойчивый набор значений. Кроме того, культурное пространство включает в себя и более подвижные смыслы и ценности, в частности господствующие представления о

красоте и актуальные модные тенденции. Так, ковер на стене в современном российском доме оценивается резко негативно – как знак приверженности советским эстетическим нормам. Наконец, поскольку пространство создается индивидом, оно оказывается способом социальной, культурной и даже психологической характеристики человека.

Пространство повседневности как социальное пространство. Если рассматривать повседневность как сферу взаимодействия с другими людьми, то пространство повседневности есть частный случай социального пространства. Социальное пространство отмечает не физическое местоположение человека, а его общественный статус – совокупность связей, в которых находится индивид по отношению к различным группам общества и его членам. В этом случае пространство повседневности тоже неоднородно, но классификация видов пространства осуществляется в соответствии с типами связей, которые выстраиваются в том или ином пространстве, и приоритетными видами деятельности.

Наиболее строго регламентировано официально-публичное пространство. Это пространство, в котором осуществляется трудовая деятельность человека и выполняются все виды обязательств перед обществом и государством. Исторически оно связано с корпоративными и политическими отношениями, чем и обусловлены многие его черты. В большинстве случаев для него характерны предельно формализованные, неиндивидуализированные отношения. Но даже в тех ситуациях, когда эти отношения носят более персонализированный характер, человек воспринимается и оценивается с точки зрения его социальной роли и функции, а не личностных качеств. Официально-публичное пространство – это пространство производства и социальной успешности, которое долгое время маркировалось как сугубо мужское. Оно предполагает большое количество разнообразных социальных связей и охватывает несколько типов взаимодействий, среди которых наибольшее значение имеют коммуникации в рамках рабочего или учебного процесса и отношения между малознакомыми людьми, объединенными совместной общественной целью (совещание, митинг, политические выборы). Это пространство в наибольшей степени выступает «средством контроля, а значит, – господства и власти» (А. Лефевр) принуждая человека к неукоснительному следованию принятым нормам – как общепринятым, так и специализированным, зачастую отраженным в кодексах, правилах внутреннего распорядка и других документах.

Иную ипостась публичного пространства воплощает приватно-публичное пространство. Так же, как и официально-публичное, оно характеризуется многообразием межличностных связей, поскольку охватывает взаимодействия с представителями сферы услуг, соседями по дому, малознакомыми коллегами и случайными знакомыми. Однако приватно-публичное пространство в большей мере связано с потреблением, нежели с производством, а потому обеспечивает человеку некоторую степень свободы и автономности. Оно создает условия, при которых человек может «существовать и вести себя относительно независимо и в то же время с оглядкой на определенные

принятые нормы и правила бытового поведения людей. Это промежуточное пространство повседневной жизни является для человека неустранимым бытовым фоном его бытия в обществе» (В. Грехнев). Главной регулятивной системой приватно-публичного пространства служит этикет. Именно здесь оказываются востребованы навыки «цивилизованности» и «культурности», требующие от человека знания «правил игры» в тех или иных ситуациях. Кроме того, в этом пространстве наиболее отчетливо явлена такая черта повседневности, как стереотипизация. Как правило, человек здесь анонимен и воспринимается как тип, а потому и отношения с ним выстраиваются исходя из общепринятых правил поведения (система отношений «продавец – покупатель», «врач – пациент» и др.).

Приватное пространство противоположно обеим формам публичного пространства. Оно замкнуто, образовано совокупностью неформальных связей с близкими людьми – родными и друзьями, свободно от принудительного влияния общественных норм. Доминантами этого пространства служат эмоциональность, чувственность и интимность. Основные виды деятельности, которые реализуются в приватном пространстве, связаны с саморазвитием, развлечениями, хобби, отпуском. Наконец, приватное пространство рождает ощущение безопасности в силу его потаенности, скрытости от посторонних взглядов. Зачастую это пространство идеализируется и описывается как пространство свободы, в котором деятельность направляется личными внутренними потребностями и желаниями. Это, безусловно, верно, но не следует забывать, что выполнение домашних и семейных обязанностей, также составляющее неотъемлемую часть приватного пространства, может быть весьма обременительным, если общий уровень цивилизационных успехов и технологий невысок, да и равенство членов семьи – сравнительно недавнее и достаточно хрупкое историческое достижение. Наиболее ярким примером приватного пространства, раскрывающим его двойственность, служит женское пространство доиндустриальной эпохи (особенно привилегированных сословий).

Каждое пространство обладает собственной атрибутикой: при переходе из одного пространства в другое меняется форма одежды (деловой дресс-код официально-публичного пространства уступает место домашнему халату, символизирующему пространство приватное), интерьер (строго регламентированная и функциональная стилистика рабочих мест контрастирует с разнообразием стилевых решений приватно-публичного пространства), предметное наполнение. Границы и значимость каждого из этих пространств различаются в зависимости от эпохи, но, как правило, на протяжении жизни каждый человек оказывается причастен всем трем пространствам.

Зачастую разные типы социального пространства повседневности привязаны к конкретным местам. Так, официально-публичное пространство локализуется в офисе. Приватное пространство – это, прежде всего, пространство дома. Приватно-публичное пространство выстраивается при взаимодействии в магазинах, парикмахерских, мастерских, на улицах города. Однако очень строгого соответствия между ними нет.

Время повседневности. Среди сущностных характеристик повседневности есть временной параметр: время повседневности – это циклическое время трудовых будней. Существуют ли более универсальные характеристики времени повседневности или оно, подобно хамелеону, меняет свои свойства в зависимости от общего хронотопа эпохи? Для понимания специфики времени повседневности требуется последовательно ответить на три вопроса: каковы объективные характеристики временной организации повседневности? где пролегают границы времени повседневности? каким образом оно структурировано?

На первый взгляд, время обыденной жизни монотонно, наполнено повторяющимися событиями и тесно связано с природными и социальными циклами. Исторической переменной здесь выступают лишь факторы, формирующие цикл. Так, для средневекового горожанина определяющим оказывался круг церковных праздников, а для земледельца цикличность была обусловлена, прежде всего, природными (суточными, сезонными, годовыми) ритмами. Современный работающий или учащийся человек живет преимущественно циклом пяти- или шестидневной рабочей недели.

Однако в случае повседневности повторение отнюдь не означает мифологического «вечного возвращения» и замкнутого цикла, многократно воспроизводимого без изменений. На эту особенность времени повседневной жизни обратил внимание А. Лефевр. «Повседневность, – писал он, – расположена на пересечении двух типов повторения: циклическом, которое доминирует в природе, и линейном, преобладающем в процессах, называемых «рациональными». Повседневность, с одной стороны, предполагает циклы – день и ночь, времена года и сельскохозяйственные сезоны, деятельность и покой, голод и насыщение, желание и его удовлетворение, жизнь и смерть, – с другой стороны, она включает в себе повторяющиеся действия труда и потребления». Иными словами, внешняя монотонность и повторяемость обыденности скрывает внешне малоприметные, но неуклонные изменения и в повседневной жизни эпохи, и в жизни отдельного человека. Следовательно, времени повседневности присуще и свойство линейности.

Эта двойственность повседневности приводит к тому, что из трех категорий – прошлого, настоящего и будущего – для повседневного бытия приоритетно настоящее, представленное в двух ипостасях. Это, во-первых, то настоящее, которое в английском языке определяется как грамматическое время *Present Indefinite*, т. е. время обычных регулярных действий, производимых по привычке. Во-вторых, повседневное существование нацелено на решение проблем, возникающих здесь и сейчас, а потому настоящее время повседневности наполнено актуальными задачами жизнеобеспечения. Ключевые слова, описывающие время повседневности, – это «сейчас» и «сегодня». Именно заботы сегодняшнего дня, а также обстоятельства ближайшего прошлого и ближайшего будущего определяют повседневную деятельность человека.

Однако доминирование настоящего вовсе не исключает из повседневности других времен, среди которых особенно велико значение

прошлого. Сама по себе рутина повседневности образована повторением уже бывшего, т. е. прошлого в настоящем. Прошлое присутствует в повседневном настоящем в виде привычек, традиций, установленных правил поведения и действия. Мы ориентируемся на свой прежний опыт, который позволяет существовать в мире повседневности в «энергосберегающем» режиме, т. е. используя готовый набор способов решения ежедневных задач, а не изобретая их всякий раз заново. Вместе с тем неизбежная опора на прошлое не только обеспечивает человеку психологический комфорт, но и зачастую вызывает ощущение застоя, поглощенности рутинной, однообразной.

Наименьшей значимостью для повседневности обладает будущее время. Это объясняется, в частности, предсказуемостью обыденной жизни, ее относительной безопасностью, не требующей постоянных напряженных размышлений о дальнейшей судьбе и попыток ее прогнозирования. Будущее время в повседневности представлено преимущественно в формах ожидания и ежедневного и еженедельного планирования – той зоны будущего, которая непосредственно примыкает к настоящему и воспринимается как его естественное продолжение. Исключение составляет повседневная жизнь представителей экстремальных профессий (спасателей, летчиков, военных), для которой характерно большее внимание к будущему, что выражается, например, в наличии повседневных ритуалов и суеверий, направленных на нейтрализацию потенциальных опасностей. Перенос смыслового центра повседневной жизни в будущее возможен лишь тогда, когда привычный ход жизни по тем или иным причинам нарушается (переезд, смена места работы, изменение семейного положения, проблемы со здоровьем и т. п.). Более отдаленные перспективы служат лишь ориентирами деятельности, но не влияют непосредственно на повседневное существование.

Объективно повседневность существует в ситуации «здесь-и-сейчас», а потому всегда представляет собой актуальную форму бытия культуры, реализующую себя преимущественно в настоящем. Наряду с этим, консервативность повседневной культуры, предполагающая воспроизведение устойчивых моделей поведения и привычек мышления позволяет говорить о присутствии в ней пластов прошлого. Зависимость повседневности от привычек делает связь прошлого и настоящего в повседневном более значимой, чем связь настоящего с будущим, которое реализуется главным образом как краткосрочное планирование. Структурирование повседневности предопределено природно-биологическими ритмами, которые уточняются и корректируются социальными установлениями.

ЛЕКЦИЯ 8

Повседневность и миф

Главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры. Благодаря повседневности обеспечивается стабильность общества и трансляция социокультурного опыта. Картина мира, как отдельного человека, так и общества в целом, играет

немаловажную роль в развитии общества. Она является результатом освоения окружающего мира и представляет собой систему подвижных образов, каждый из которых состоит из двух составляющих – общего представления и его эмоциональной окраски. В функциональном плане картина мира представляет собой некую основу мировосприятия, опираясь на которую человек существует в мире; дает определение своеобразия восприятия и трактовки человеком всех событий и явлений, происходящих в мире; под влиянием жизненных обстоятельств имеет свойство меняться. Самоидентификация и ментальность человека превращаются в программу жизни, образ человека, формирующийся у него самого или возникающий у внешних наблюдателей в результате восприятия тех или иных его характеристик.

Интересную точку зрения на проблему повседневности высказывает российский исследователь А. Ахутин. Он отмечает, что для человека, в отличие от животного, исходная природа дана как чуждая, а его повседневностью является искусственно созданный мир, который потом превратился в культуру. Особенность человеческого мира повседневности состоит в том, что он является двойственным. Во-первых, это вполне целесообразный мир практической деятельности, где правит здравый смысл. Во-вторых, – фантастический, избыточный мир формул понимания мира, где формулами сначала выступала вовсе не логика, а сама история произвольных человеческих действий, но, будучи адресованной к времени предков, она становится образцом (или формулой понимания). Повседневность изначально содержит и ментальность (формулы), и жизнедеятельность, а вовсе не разделилась на эти сферы. Сфера жизнедеятельности, по мнению А. Ахутина, складывается из деятельности общения и общественной трудовой деятельности. Ментальность – это образ мысли, включающий, с одной стороны, индивидуальное, личное мыслительное творчество, а с другой – традиционные надындивидуальные установления. Поскольку это образ мыслей, производящий образ жизни и производный от него, то представление о ментальности нарочито исторично. «Все, что происходит в истории, – пишет А.В. Ахутин, – является делом рук и головы человека, который действует так, как предопределяют обстоятельства жизни». Однако любые обстоятельства жизни воспринимаются людьми в привычной для них манере понимания; эта манера и есть менталитет. То есть вопрос о менталитете является вопросом о преемственности процесса понимания людьми мира, в котором они живут». Ментальность содержит и временную и пространственную характеристику, представляя и менталитет исторической эпохи, и этнос-локальный менталитет (указывающий на изначально этническое происхождение культур).

Повседневность, по мнению современного российского философа Б. Маркова, – это ткань человеческих взаимодействий, каждое из которых в отдельности рационально, т.е. запланировано индивидами, но в совокупности своей образует такую структуру и порядок, который никем не планировался и не предусматривался. Разум и чувство выступают сторонами этого повседневного взаимодействия. Б. Марков трактует повседневность как стандартизированный и нормированный срез эмпирической жизни: «Слово

«повседневность» обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству». Далее автор подчеркивает, что повседневность – это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, но также и их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами. В повседневном субъективное переживание противопоставляется объективным структурам и процессам, типические практические действия – индивидуальным и коллективным деяниям, подвижные формы рациональности – идеальным конструкциям и точным методам.

С культурологических позиций, как пространственно-временной континуум, наполненный вещами и событиями, рассматривает повседневность В. Лелеко. Также как и Б. Марков, он понимает повседневность как будничность, как противоположность праздничному и сакральному: «Повседневность возникает там, где есть человек. То, что в жизни человека и окружающем его мире природы и культуры происходит ежедневно, должно быть определенным образом воспринято, пережито и оценено для того, чтобы стать ожидаемым, неизбежным, обязательным, привычным, само собой разумеющимся, понятным, должно быть пережито и оценено как тривиальное, серое, скучное». В. Лелеко структурирует повседневность в виде иерархических уровней и секторов в ее пространственном и временном измерениях. Теоретическая модель повседневности, предложенная В. Лелеко включает «вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию». Руководствуясь семиотико-культурологическим методом В. Лелеко рассматривает повседневность через два уровня смыслов: первый – фиксирует суточный ритм повторяющихся в жизни человека процессов и событий, выявляет определенную статистическую закономерность. Второй – это субъективная, психологическая и аксиологическая сторона понятия «повседневность», она запечатлевает эмоциональную реакцию на это повторение и его оценку. Учёный считает, что события повседневной жизни есть форма проявления определенного уклада жизни с его устоявшимися, изо дня в день повторяющимися делами, поступками, занятиями. Стабильность повседневной жизни противостоит случайностям и неожиданностям, которые могут сломать, уничтожить сложившийся уклад жизни, привычную нормативную повседневность. Однако в своей концепции повседневности В. Лелеко слишком категоричен. Так, из сферы повседневности исключаются сон, вера или досуг.

Л. Беловинский указывает, что повседневная деятельность несет на себе отпечаток элементарной рефлексии и детерминирована «ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и ... прошлое, переживаемое как субъективно, в живом восприятии людей, так и объективно, как данность, налагающая, налагающая отпечаток на настоящее».

В. Сыров, подчеркивает, что повседневность – это особый код, который возникает в сознании индивида при необходимости практически решить ту или иную проблему. Код повседневности отвечает на вопрос «как?» и основная функция повседневности – это адаптация (полезность). Работа структуры повседневности видится ему как совокупность процедур конфигурации и реконфигурации. Тем самым повседневность предстает в виде своеобразной машины по производству значений, созданию и преобразованию всевозможных объектов. Учёный выделяет такие универсальные характеристики повседневности, как персонификация, реификация (представление процессов в виде предметов) и рецептуризация.

Г. Кнабе в работе «Диалектика повседневности» рассматривает повседневность как понятие «неотчужденной духовности», возвышая повседневное бытие человека. Автор рассматривает повседневность с культурологических позиций, определяя «жизнесмыслы» каждодневного бытия человека (сегодня «тут-бытия»). Он предлагает рассматривать повседневность не как альтернативу традиционной культуре, а как ценность. Непосредственное содержание повседневности, по Г. Кнабе, изначально состояло «в воспроизводстве человеческой жизни – в продолжении рода, обеспечении его выживания трудом и борьбой с природой, с врагами, в создании, сохранении и совершенствовании защитной материально-пространственной среды». Однако, подчеркивает Г. Кнабе, «такое воспроизводство всегда коллективно, в процессе его между людьми возникают определенные отношения, а вместе с ними нормы и убеждения, принципы и идеи, вкусы и верования, которые, вполне очевидно, составляют духовную сферу, сферу культуры, и в этом смысле нетождественны изначальному непосредственному содержанию повседневного самовоспроизводства, обособлены от него, но в то же время, и столь же очевидно, от этого непосредственного содержания неотделимы и в нем растворены». Когда в прошлом веке бытовая повседневность в качестве самостоятельной категории исторической действительности впервые стала привлекать внимание исследователей, это единство первичных и идеализованных нравственно-культурных смыслов воспринималось как самоочевидное и постоянное ее свойство, а возможность противоречия между ними даже не обсуждалась.

В современном обществе повседневность приобретает иные характеристики, чему, по мнению Г. Кнабе, способствует изменение цели и смысла труда. Из средства обеспечения главной и, в конечном счете, сакральной ценности – сохранения и воспроизводства личной и родовой человеческой жизни, труд стал средством заработка, предназначенного для удовлетворения условных потребностей: потребности в комфорте, развлечениях, которые обретают в современном обществе самостоятельную ценность. В этих условиях абсолютизация повседневности как ценности превращается в абсолютизацию ее практицистской стороны: «Духовность, присущую повседневному существованию как целому в единстве его трудовых, семейных, общественных сторон, престижно и комфортно ориентированный современный быт начинает монополизировать, уплощать, себе подчинять,

начинает судить все явления духовной жизни по своим критериям, а те, которые втянуть и подчинить не удастся, воспринимает как неадекватные ценностям простого человеческого существования, как слишком над ним возвышающиеся или от него отклоняющиеся, а потому ненужные, “заумные”, раздражающие. Постепенно раздражение начинает вызывать все несводимое к жизненной эмпирии и повседневному интересу. В ориентации на бытие как быт, на немудрящую непреложность повседневного существования как главную ценность раскрывается потенциально деструктивный и антикультурный смысл». Как видно, Г. Кнабе акцентирует особое внимание на аксиологическом смысле повседневности, подчеркивая, что в условиях современного общества ее глубокий духовный смысл отходит на второй план.

Взвешенно и всесторонне анализирует повседневность Е. Золотухина-Аболина, посвятившая этой проблеме ряд работ. Она выделяет несколько значений термина «повседневность»: эмпирическая жизнь, пребывание человека в чувственно-материальном мире; стандартизированный и нормированный срез эмпирической жизни, мир правил, циклов, стереотипов; сфера согласованных действий, такого поведения, где все взаимосвязаны друг с другом и интерпретируют мир вместе. Весь массив культурных форм возник прежде всего ради выживания и развития телесного эмпирического человека, его защиты от стихийных сил природы и обеспечения ему относительного комфорта. Повседневность видится ей многогранной и многоликой, не сводимой только к рутинности и будничности. Автор подчеркивает, что не стоит противопоставлять повседневность как «бодрствующее сознание» сну как ночному, смутному состоянию нашего внутреннего мира. Она отмечает, что наряду с напряженным, бдительным вниманием в нашем ежедневном бытии есть и другой, противоположный пласт – скрытый, косвенный опыт «повседневного бессознательного», которое как тень сопровождает всякий акт сознания. Следовательно, повседневность как мир опыта стоит противопоставлять не сну, а трансцендентности. Ей вторит Г. Любимов, который развивает мысль о том, что жизненный мир содержит в качестве своих частей зоны повседневности и зоны неповседневности.

Не удивительно, что повседневность и миф тесно связаны. Повседневность имеет мифологизированное выражение в любой своей форме (мышлении, речи, поведении, творчестве, быту, работе, науке, восприятии СМИ и произведений искусства). Современный человек от рождения до смерти погружен в мифологизированное пространство, нередко не отдавая себе отчета в этом: именно через призму мифического он сознательно, а порой и бессознательно, воспринимает окружающий мир. Все проявления человеческого не могут и даже не хотят избавиться от своего древнейшего приобретения – мифологичности сознания и мышления, которая проявляет себя во всех продуктах и действиях человеческого самовыражения. Начиная с древности, миф и повседневность выступали в качестве двух полюсов человеческого бытия, где миф представлял сферу сакрального, а повседневность – сферу профанного, при этом обе сферы пересекались и накладывались друг на друга. Так, в профанном мире происходило «рождение»

мифа, а сфера сакрального накладывала отпечаток на повседневность человека, ориентируя его в окружающем мире и предписывая определенные правила как высшие нормативные ценности. В современном культурном ландшафте, несмотря на достижения науки, прагматичность сознания человека, взаимодействие мира мифа и повседневности продолжает обнаруживать себя. Современный тип мышления часто «бежит» от рациональности, погружаясь в пучину иррационального начала. Мифы уводят человека в мир иллюзий, воспринимаемый субъектом как реальность, по канонам которой он начинает строить свою повседневную жизнь. Так, мифологический гляцевый мир рекламы, журналов, сериалов, шоу-бизнеса воспринимается как эталон, безоглядно и некритично. Сами герои современной, особенно медийной, культуры трактуются как небожители, боги, и им, как идолам в древности, поклоняется масса.

Таким образом, мы видим, что развитие социально-гуманитарных наук в XX веке проходило в соперничестве двух методологий: первой, считавшей что «люди не ведают, что творят» (значит, нужен отстраненный, объективный анализ), и второй, утверждавшей, что понимание социальности надо строить из понятий и схем, с помощью которых люди сами воссоздают и изменяют свое повседневное бытие. В этом соперничестве победитель так и не определился. Многомерность социального бытия оказалась не сводимой ни к объектным структурам и овеществленным формам человеческого опыта, ни к непосредственным («лицом к лицу») контактам индивидов. Преобладание любой из этих методологий приводило к ощутимым потерям: в одном случае на периферии анализа оставались живая энергия и деятельные качества людей, воспроизводящие социальный мир, в другом - совокупность опосредованных связей и разделенных форм человеческой деятельности, обеспечивающих сложную динамику современного социального пространства.

Изучение повседневности развивалось от описательных исследований быта к концептуальному обобщению явлений, определению их связей с другими сферами культуры и человеческого бытия. Различные теории повседневности уточняли границы повседневности, выявляли те правила, по которым происходит ее конструирование, анализировали повседневные практики и жизненные траектории отдельных людей в уникальности их биографий. В современной науке о повседневности сосуществуют понимания истории повседневности как реконструирующей ментальный макроконтекст событийной истории и как реализации приемов микроисторического анализа.

Критики истории повседневности отмечают некоторую ограниченность её методологических, концептуальных и аналитических возможностей, отрицание ею самого понятия «тотальная история» и отсутствие методик сочетания результатов разных тематических исследований. Безусловно, индивидуальное переживание или восприятие происходящих событий обладает немалой ценностью. Однако эго-документы, биографические интервью и другие источники, которыми пользуется история повседневности, позволяют увидеть лишь фрагмент сложной мозаичной картины эпохи в целом.

3. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

3.1. Тематика семинарских, практических и лабораторных занятий

Занятие 1. Основные подходы к исследованию культуры повседневности

Ключевые понятия:

Повседневность, человек, общество, ценности, смыслы, нормы, жизненный мир, частная жизнь, быт, будни, познание, наука, исторический прогресс.

Основные вопросы:

1. Основные этапы и подходы в исследовании повседневности (общая характеристика).
2. Этнографический этап – вт. пол. XIX – нач. XX в. (исследования и реконструкция быта разных народов, изучение обрядов, обычаев, телесных практик и т.д.).
3. Описательный подход как принцип этнографического исследования повседневности. Л. Леви-Брюль, Э. Тайлор, М. Мосс и др. концепции (на выбор)
4. Исторический этап: исследование жизненных ценностей и когнитивных категорий европейского средневековья. Й. Хёйзинга, Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр и др. представители "Школы Анналов" (на выбор).
5. Взаимоотношение исторической антропологии и теории повседневности.
6. Культурно-семиотический этап: ментальность, ценности, культурные смыслы: Г. Кнабе, Ю. Лотман, М. Бахтин, Э.Холл (на выбор).

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).

5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Занятие 2. Феномен повседневности

Ключевые понятия:

Повседневность, человек, артефакты, «не-праздник», «не-идеал», регистры культуры, народная культура, профессиональная культура, диалог, повседневное творчество, научно-исследовательские и научно-практические методы изучения повседневности.

Основные вопросы:

1. Феномен повседневности. Культура повседневности как диалог различных подходов и точек зрения.
2. Два регистра культуры.
3. Повседневность как продукт социокультурного конструирования.
4. Антропологический заряд исследований повседневности. Анализ "человеческих документов" и артефактов как основной метод исследования повседневности.
5. Методология исследований повседневности: проблема жестких и мягких методов.
6. Качественный метод как основной в исследованиях культуры повседневности. Основные материалы и источники исследования.
7. Повседневность и творчество.
8. Значение анализа артефактов повседневной культуры в компетентностной модели культурологического образования.

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Занятие 3. Оповседневничество как механизм воспроизводства культуры повседневности

Ключевые понятия:

Повседневность, культурные коды, искусство, здравый смысл, этос, габитус, «другая история», микроистория, «детская история», «женская история», советская действительность, реконструкция повседневности.

Основные вопросы:

1. Повседневность и "жизненный мир" (Э. Гуссерль).
2. Компоненты и качества жизненного мира. Разработка концепта "жизненный мир" А. Шютцем.
3. Черты повседневности (по А. Шютцу). Повседневность и конечные области значения.
4. Повседневность и здравый смысл.
5. Этос повседневности и габитус личности. Понятие габитуса у П. Бурдьё ("Социология социального пространства"). Габитус советского человека (И. Сандомирская "Я так хочу назвать кино"; Н. Козлова "Советские люди").
6. Быт и повседневность (И. Утехин "Очерки коммунального быта").
7. Искусство и повседневность (С. Бойм "Общие места").
8. Собственные реконструкции повседневности.

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Занятие 4. Повседневность и ментальность

Ключевые понятия:

Повседневность, ментальность, менталитет, культурные константы, коды и стереотипы, субкультуры, чувства, эмоции, речь, язык искусства, преемственность, традиции, новации.

Основные вопросы:

1. Понятие ментальности (М. Блок, Л. Февр, Ж. Дюби и др.).

2. Черты ментальности.
3. Ментальность и центральная зона культуры (Э. Шилз).
4. Культурные константы как структурообразующие компоненты ментальности в повседневности (С. Лурье).
5. Ментальность и менталитет.
6. Ментальность и язык: А. Вежбицкая "Язык, культура, познание"; Н. Рис "Русские разговоры"; Н. Козлова "Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора" и др. (на выбор).
7. Субкультуры традиционной и современной повседневности.

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Занятие 5. Социальное конструирование повседневной реальности

Ключевые понятия:

Повседневность, коммуникация, социальное конструирование, хабиитуализация, институциализация, легитимация, прогнозирование, проектирование, дом, деревня, город, «третьи структуры», «дружелюбные места».

Основные вопросы:

1. Социальное конструирование повседневной реальности.
2. Объективное и субъективное конструирование повседневной реальности.
3. Понятие "социального запаса знаний".
4. Механизмы конструирования социальной реальности: хабиитуализация, институциализация, легитимация (П. Бергер и Т. Лукман).
5. Типизация как всеобъемлющий механизм структурирования повседневной жизни (У. Липпман, А. Шютц).
6. Эксперты и повседневность.
7. Наши дома, места работы, транспорт, «третьи места».

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Занятие 6. Хронотоп повседневности

Ключевые понятия:

Повседневность, человек, тело, телесность, вещь, одежда, костюм, мода, социальный статус, социальные группы, общество, пространство, время, хронотоп, прошлое, настоящее, будущее, биография, автобиография.

Основные вопросы:

1. Пространство повседневности. Зонирование повседневного пространства: близко-далеко, право-лево, позади-впереди.
2. Пространство повседневности: доступность пространства человеку, актуальное пространство; зона непосредственных действий, зона операций.
3. Топография пространства повседневности. Человеческая размерность пространства повседневности. Сиюминутность, актуальность пространства, его объекты.
4. Базовая теоретическая схема пространства повседневности Н. Новиковой. Зоны интимности и официальности (Э. Холл).
5. Время повседневности. Внешнее и внутреннее время. Историческое время как ориентир биографии человека.
6. Понятие биографии. Биография и история. Будущее время как планирование; прошлое как отправной пункт.
7. Моя автобиография: между прошлым и будущим.

Литература:

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).

2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).

3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.

4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).

5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

4. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

4.1. Задания для контролируемой самостоятельной работы

ОБЩИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УПРАВЛЯЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

В процессе изучения дисциплины возможно осуществление управляемой самостоятельной работы студентов, которая предусматривает выполнение различных индивидуальных устных и письменных заданий по темам учебной дисциплины. К таким заданиям относятся:

- самостоятельное изучение учебно-методической и научной литературы;
- подготовка материалов к выступлениям на семинарских занятиях;
- подготовка к устным и письменным опросам;
- написание аналитического доклада;
- создание и демонстрация мультимедийных презентаций, тематических видео;
- написание научных статей, тезисов, докладов на научные конференции;
- подготовка и защита авторских или групповых творческих работ.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ

Выполняется индивидуально или в малой группе (2-3 чел.).

Первая часть заданий связана с необходимостью самостоятельного изучения в свободное время ряда персоналий, концепций, трудов отечественных и зарубежных культурологов XX-XXI вв.; развитием навыков критического чтения и мышления; овладением методологией написания критических статей и научно-исследовательских работ, а также техникой публичного выступления и ведения диалога; использованием полученного опыта в качестве культуролога-менеджера в социально-культурном прогнозировании и проектировании. Преподаватель заранее предоставляет в помощь студентам материалы электронной хрестоматии в PDF-формате. Возможно изучение литературы по культуре повседневности по собственному выбору (по согласованию с педагогом). Анализ прочитанных материалов студент демонстрирует в учебной группе в виде устной или видеопрезентации.

Вторая часть заданий предусматривает опрос респондентов (носителей повседневной информации) и предоставление собранной информации в форме аудио или видеointервью с «интересным человеком» и последующей демонстрацией и обсуждением в учебной группе.

Третья часть заданий предполагает осмысление полученной на предыдущих этапах информации по культуре повседневности в форме рисунка, коллажа, фотоматериалов, видеопрезентации или эссе (на выбор) с последующим обсуждением в учебной группе.

Обсуждения проходят в рамках семинарских (практических) занятий.

4.2. Примерный перечень вопросов к зачету

1. Предмет и объект культуры повседневности: проблемное поле.
2. Роль культуры повседневности в современном культурологическом образовании.
3. Методы исследования повседневной культуры.
4. Истоки и история исследований культуры повседневности.
5. Подходы и методы культуры повседневности.
6. Качественные методы и источники исследования; их отличие от количественных.
7. Сущность понятия "повседневность". Повседневность как базис общественной жизни и культуры.
8. Повседневность и "жизненный мир" (Э. Гуссерль). Конечные области значения как сферы выхода из повседневности.
9. Быт и повседневность. Здравый смысл как фундамент повседневной рациональности.
10. Черты повседневности (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман и др.).
11. Повседневная культура рыцарства.
12. Повседневная культура буржуа.
13. Повседневная культура крестьянства.
14. Повседневная культура дворянства.
15. Повседневная культура интеллигенции.
16. Концепт "габитус". Габитус советского человека.
17. Понятие ментальности. Ментальность и язык.
18. Повседневность и ментальность.
19. Социальное конструирование повседневной ментальности. Механизмы конструирования.
20. Повседневность и мифология.
21. Современные мифологии: социальные, национальные, эстетические и т.д.
22. Миф и постфольклор.
23. Пространство повседневности. Зонирование пространственных локусов в повседневности различных страт.
24. Зоны интимности и официальности в разных культурах.
25. Время повседневности: внешнее и внутреннее. История и биография.
26. Динамика личности в исторической повседневности.

4.3 Вопросы для письменного опроса по базовым понятиям учебной дисциплины

1. Предмет и объект культуры повседневности.
2. Методы исследования повседневной культуры.
3. Подходы и методы культуры повседневности.
4. Сущность понятия "повседневность".

5. Повседневность как базис общественной жизни и культуры.
6. Повседневность как "жизненный мир" (Э. Гуссерль).
7. Быт и повседневность.
8. Здравый смысл как фундамент повседневной рациональности.
9. Частная жизнь в исторической повседневности.
10. Черты повседневности (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман и др.).
11. Повседневная культура рыцарства.
12. Повседневная культура буржуа.
13. Повседневная культура крестьянства.
14. Повседневная культура дворянства.
15. Повседневная культура интеллигенции.
16. Понятие габитуса.
17. Габитус советского человека.
18. Понятие ментальности.
19. Ментальность и язык.
20. Повседневность и ментальность.
21. Повседневность и мифология.
22. Повседневность, современность и постфольклор.
23. Пространство повседневности.
24. Внешнее и внутреннее время повседневности.
25. Понятие хронотопа.
26. Динамика личности в исторической повседневности.

5. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ Дневная форма получения образования

Название раздела, темы	Количество аудиторных часов				Количество часов УСР	Форма контроля знаний
	лекции	семинарские занятия	практические занятия	лабораторные занятия		
Тема 1. Предмет, методология и проблемное поле исследований повседневности	2					
Тема 2. Основные подходы к исследованию культуры повседневности	2		2			
Тема 3. Феномен повседневности	2		2			
Тема 4. Качественные методы исследования культуры повседневности	2					
Тема 5. Повседневность как механизм воспроизводства культуры повседневности	2		2			
Тема 6. Повседневность и ментальность	2		2			
Тема 7. Социальное конструирование повседневной реальности	2		2		1	Коллективное обсуждение прочитанной литературы, выступление на практическом занятии
Тема 8. Повседневность и	2					

миф						
Тема 9. Хронотоп повседневности			2		1	Проблемные задания. Проверка и обсуждение творческих заданий
Всего...	16		12		2	

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Дополнительная

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Акад. Проект. Фр. проект, 2010. – 351 с.
2. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
3. Бахтин, М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [Электронный ресурс] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 323 с. – Режим доступа: https://royallib.com/read/berger_piter/sotsialnoe_konstruirovanie_realnosti.html#0. – Дата доступа: 03.04.2022.
5. Богданов, К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб.: Искусство, 2001. – 438 с.
6. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культ. революция, 2006. – 268 с.
7. Бойм, С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 320 с.
8. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и

невозможное / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.

9. Бурдьё, П. Социология социального пространства [Электронный ресурс] / П. Бурдьё; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.; СПб.: Ин-т эксперимент. социологии: Алетейя, 2007. – 288 с. – Режим доступа: <https://bookree.org/reader?file=671377>. – Дата доступа: 03.04.2022.

10. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 44–59. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1365229/>. – Дата доступа: 03.04.2022.

11. Вайль, П. Гений места / П. Вайль. – М.: КоЛибри, 2006. – 239 с.

12. Вайль, П. 60-е годы. Мир советского человека. – М: Corpus: АСТ, 2013. – 370 с.

13. Вайнштейн, О. Б. Денди. Мода, литература, стиль жизни / О. Б. Вайнштейн. М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 640 с.

14. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. – Вып. 1 / сост. и общ. ред. В. В. Винокурова и В. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 17–23.

15. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 287 с.

16. Виоле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века: сб. очерков / Э.Э. Виоле-ле-Дюк. – СПб.: Евразия, 1997. – 375 с.

17. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 334 с.

18. Гиро, П. Быт и нравы древних греков / П. Гиро. – Смоленск: Русич, 2002. – 618 с.

19. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян / П. Гиро. – Смоленск: Русич, 2002. – 571 с.

20. Золотухина-Аболина, Е. В. Повседневность и другие миры опыта / Е. В. Золотухина-Аболина. – М.; Ростов н/Д: МарТ, 2003. – 192 с.

21. Ионин, Л. Г. Повседневность как несправадник и неидеал [Электронный ресурс] / Л. Г. Ионин // Художественный журнал = Moscow Art Magazine. – М., 1997. – № 17. – Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/52/article/1035>. – Дата доступа: 03.04.2022.

22. История ментальностей: Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: РГГУ, 1996. – 255 с.

23. Капкан, М. В. Культура повседневности: учеб. пос. для студ. / М. В. Капкан. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – 110 с.

24. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 430 с.

25. Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и повседневность / Г.С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 206 с.

26. Кнабе, Г.С. Древо познания и древо жизни: сб. ст. / Г.С. Кнабе. – М.: РГГУ, 2006. – 736 с.

27. Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора / Н.Н. Козлова. – М.: ИФРАН, 1996. – 216 с.
28. Козлова, Н.Н. Опыт социологического чтения "человеческих документов", или размышления о значимости методологической рефлексии / Н.Н. Козлова // Социологические исследования. — 2000. — № 9. — С.22-32.
29. Козлова, Н.Н. Советские люди: Сцены из истории / Н.Н. Козлова. – М.: Европа, 2005с. – 544 с.
30. Козлова, Н.Н. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения / Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. – М.: Рус. феноменологическое об-во; Гнозис, 1996. – 255 с.
31. Козьякова, М. И. История. Культура. Повседневность: Западная Европа: от Античности до XX века [Электронный ресурс] / М. И. Козьякова. – Москва : Согласие, 2013. – 526 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252984>.
32. Куляпин, А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи [Электронный ресурс] / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. – М. : Языки славянской культуры (ЯСК), 2013. – 240 с. – (Коммуникативные стратегии культуры). – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=219832>.
33. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. С.В. Чистяковой, Н.В. Шевченко; под ред. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 325 с.
34. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 3. – С. 33–36.
35. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре: моногр. / В.Д. Лелеко. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.
36. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции российского дворянства (XVIII – начало XIX вв.) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1999. – 414 с.
37. Людтке, А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др. – М.: РОССПЭН; Герм. ист. ин-т в Москве, 2010. – 271 с.
38. Новикова, Н. Л. Культура повседневности. Теоретический аспект / Н. Л. Новикова. – Саранск: Красный Октябрь, 2004. – 164 с.
39. Овчинников, Вс. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 257 с.
40. Овчинников, Вс. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах. – М.: АСТ, 2014. – 254 с.
41. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – 2 изд., испр. и доп. / М. Оссовская; пер. с польск. К. Душенко; общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 – 528 с.
42. Рис, Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис. – М.: НЛО, 2005. – 358, [7] с.: ил.

43. Розенберг, Н.В. Образ жизни как онтологическая сторона культуры повседневности / Н.В. Розенберг // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1 (1).
44. Сальникова, Е.В. Эстетика рекламы. Культурные корни и лейтмотивы / Е.В. Сальникова. - М.: Алетейя, 2001. – 287 с.
45. Серто, де М. Изобретение повседневности / М. де Серто. – СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
46. Скопинцева, Т. Ю. Теория и история культуры повседневности России [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Т. Ю. Скопинцева ; Оренбургский государственный университет. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2010. – 142 с.: табл. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=27029>. – Дата доступа: 03.04.2022.
47. Уилсон, Э. Облаченные в мечты: мода и современность / Э. Уилсон; пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, К. Ляминой. – М.: Новое лит. обозрение, 2012. – 288 с.
48. Утехин, И.В. Очерки коммунального быта / И.В. Утехин. – М.: Объед. гуманит. изд-во, 2004. – 277 с.: ил.
49. Февр, Л. Чувствительность и история / Л. Февр // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 109-125.
50. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга; сост. и пер. Д.В. Сильвестров. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 537 с.
51. Холландер, Э. Взгляд сквозь одежду / Э. Холландер; пер. с англ. В. Михайлина. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 576 с.
52. Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / под ред. Ю. Бессмертного. – М.: РГГУ, 2000. – 586 с.
53. Шацков, В. С. Жизнь замечательных детей. Очерки по истории мировой игрушки / В. С. Шацков. – М.: Прометей, 1990. – 244 с.
54. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии [Электронный ресурс] / А. Шютц. – М.: Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2003. – 332 с. – Режим доступа: <https://booksee.org/book/671702>. – Дата доступа: 03.04.2022.
55. Шютц, А. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] / А. Шютц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – Режим доступа: <https://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf>. – Дата доступа: 03.04.2022.

Учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по учебной работе БГУКИ
_____ С.Л. Шпарло

Регистрационный №.

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Учебная программа учреждения высшего образования
по учебной дисциплине
для специальности 1-21 04 01 Культурология (по направлениям),
направления специальности 1-21 04 01-02 Культурология (прикладная),

2021 г.

Учебная программа составлена на основе образовательного стандарта высшего образования 1-20 80 01-2019

СОСТАВИТЕЛИ

Ю.Г. Балодис, доцент кафедры менеджмента социально-культурной деятельности учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат культурологии, доцент

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В.Ф. Мартынов, заведующий кафедрой культурологии Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени А.М. Широкова», доктор культурологии, профессор;

Н.Е. Петушко, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», кандидат педагогических наук, доцент.

РЕКОМЕНДОВАНО К УТВЕРЖДЕНИЮ:

кафедрой менеджмента социально-культурной деятельности учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (протокол № 4 от 30.11.2022);

президиумом научно-методического совета учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств» (протокол № от)

Ответственный за выпуск: Ю.Г. Балодис

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная дисциплина «Культура повседневности» предназначена для обучения студентов специальности 1-21 04 01 Культурология (по направлениям), направления специальности 1-21 04 01-02 Культурология (прикладная).

Учебная программа разработана с учетом современных требований к подготовке студентов в области прикладной культурологии. Образовательный процесс имеет профессиональную направленность с учетом специфических условий и потребностей учреждений социально-культурной сферы Беларуси в кадрах высшей квалификации, разработке и реализации актуальных культурных проектов. В рамках данной дисциплины расширяются профессиональные компетенции в научно-исследовательской, духовно-нравственной и воспитательно-образовательной деятельности культуролога-менеджера.

Предлагаемый в рамках курса подход к изучению культуры повседневности, представляет собой ее изучение с точки зрения ряда современных социально-гуманитарных наук (с акцентированием на историческом и социологическом подходах, а также с учетом достижений cultural studies) в теоретическом, историческом и прикладном аспектах; значимых персоналий и понятий; сложившегося хронотопа; нравов, обычаев, верований, привычек сознания и поведения, способов мировосприятия и картины мира сословий, классов, народов, документально отраженного коллективного образа жизни и мышления различных исторических эпох; вещного мира; телесности и телесных практик; гастрономической культуры; культуры чувств и эмоций и др.

Методологической особенностью дисциплины является ее междисциплинарный характер, использование достижений авторитетных научных школ и трудов современных культурологов, археологов, историков, антропологов, фольклористов, этнографов, философов, социологов, психологов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов и других

специалистов, посвященных исследованиям повседневного фактора, а также реальных «голосов истории» – очевидцев исторических и культурных событий.

В ходе изучения дисциплины «Культура повседневности» студентами осваиваются знания о сущности и содержании культуры повседневности, ее исторических особенностях и трансформациях, глобальном и региональных аспектах, фактологическом наполнении культуры повседневности, а также расширяется общий кругозор, формируется критическое мышление, уточняется профессиональная компетентность. Материалы курса способствуют углубленному изучению индивидуальных и социальных заказов потребителей культурных продуктов, формированию у культурологов-менеджеров социально-ориентированного подхода к разработке и реализации современных культурных проектов.

Учебная программа предусматривает знакомство студентов с современными методами и направлениями культурных исследований, сложившейся практикой жизнедеятельности людей, функционирования учреждений социально-культурной сферы, опытом реализации востребованных населением проектов. Используются разнообразные формы и методы обучения – лекции, семинарские занятия, самостоятельная работа студентов, составление глоссария, анализ различных исторических и художественных источников, написание рефератов и подготовка проблемных докладов по проблематике курса, интервьюирование, беседы, дискуссии, выполнение творческих заданий.

Цель учебной дисциплины – формирование теоретических знаний о культуре повседневности, изучение общей конфигурации и сложившихся исторических и социальных моделей культуры повседневности, эффективное использование мирового и национального историко-культурного наследия, а также уточнение практических навыков разработки культурных проектов с учетом коллективного повседневного опыта, его критической оценки и творческой интерпретации.

Задачи дисциплины:

- дать представление о терминологических и структурно-функциональных особенностях культуры повседневности;
- углубленно изучить периоды истории культуры, когда культура повседневности выходила на первый план бытия и определяла собой конфигурацию культуры;
- раскрыть диалогические отношения культуры повседневности со различными разновидностями культуры (религией, философией, наукой, политикой, моралью, вещным миром, телесностью, телесными практиками, гастрономией, миром чувств и эмоций);
- овладение студентами различными методиками анализа исторических и художественных источников на предмет выявления основных категорий культуры повседневности и возможности использования полученных знаний при разработке и реализации культурных проектов.

В результате изучения учебной дисциплины студенты должны знать:

- специфику понятия культуры повседневности, разнообразие сложившихся форм культуры повседневности, понимать исторические особенности культуры повседневности и произошедшие трансформации, критически оценивать современное состояние культуры повседневности в глобальных и региональных аспектах;

уметь:

- осмысливать происходящие изменения в культуре повседневности в контексте современной глобализации и информатизации культуры, объяснять культурные явления и процессы, используя доступные и референтные источники информации, а также повседневный опыт людей, живущих в различных регионах мира, представителей различных поколений и социально-демографических групп в целях развития навыков межкультурной коммуникации и сохранения культурного разнообразия;

владеть навыками:

- исследования культуры там, где ее прежде «не видели» или ее современники и носители не считали особым достижением, «высокой» культурой,

использования этих знаний при разработке и реализации культурных проектов в своей профессиональной деятельности.

В соответствии с требованиями учебного плана, студенты должны:
УПК-1 Уметь выявлять социодинамику процессов в сфере культуры и искусства.

Время обучения – один семестр (пятый).

В соответствии с учебным планом на изучение дисциплины по выбору «Культура повседневности» отведено всего 52 часа, из них 28 – аудиторные занятия. В рамках изучения дисциплины предусмотрено следующее распределение аудиторных часов по видам занятий: 16 – лекции, 12 – практические занятия. 2 часа отводится на контроль самостоятельной работы студентов. Итоговой формой контроля знаний является зачет.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Тема 1. Предмет, методология и проблемное поле исследований повседневности

Предмет, методология, основные проблемы исследований повседневности. Культура повседневности как непосредственное взаимодействие человека с действительностью. "Средний человек" как персонаж повседневности. Герменевтический метод познания и социальная реальность. Основные этапы исследований повседневности. Этнографический этап (вт. пол. XIX – нач. XX в.): исследования и реконструкция быта разных народов, изучение обрядов, обычаев, телесных практик и др. Описательный подход как принцип этнографического исследования повседневности. Л. Леви-Брюль, Э. Тайлор, М. Мосс и др. Исторический этап: исследование жизненных ценностей и когнитивных категорий европейского средневековья (Й. Хейзинга, Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр и др. представители "Школы Анналов"). Взаимоотношение исторической антропологии и теории повседневности. Культурно-семиотический этап: предмет исследований – ментальность, ценности, культурные смыслы (Г. Кнабе, Ю. Лотман, М. Бахтин, Л. Ионин и др.).

Тема 2. Основные подходы к исследованию культуры повседневности

Социологический подход: В. Дильтей, М. Вебер ("оповседневнивание" реальности), Г. Зиммель, М. Мосс и др. *Феноменологический подход:* категории "жизненный мир" и "повседневность" в трудах Э. Гуссерля. А. Шютц, П. Бергер и Т. Лукман, Г. Гарфинкель, А. Сикурел и др. Понятие "жизненного мира" и концепция повседневности А. Шютца. Исследования социологии повседневности у Л. Ионина ("Социология культуры"). *Гносеологический и историко-антропологический подходы:* повседневность и обыденное сознание. "Здравый смысл" и бессознательное. Повседневность и модели эмоциональности в работе Й. Хейзинги "Осень средневековья". Материальная жизнь и структуры повседневности Ф. Броделя. Понятие "исторического времени" у Ф. Броделя. Идея "большого времени". "Тотальная история" (М.Блок, Л.Февр). Рассмотрение истории сквозь призму повседневного опыта "безмолвного большинства". *"Эмический" подход к культуре повседневности* (психологическая антропология): М. Мид и др. Исследования повседневной жизни народов в полевых условиях. *Культурно-семиотический подход:*

повседневность в поле языков культуры (Ю. Лотман, Г. Кнабе, Э. Холл и др.). Структуры повседневности в концепции "семиосферы" Ю. Лотмана.

Тема 3. Феномен повседневности

Феномен повседневности. Исследование повседневности в качестве относительно автономного «мира опыта» (А. Шютц). Черты повседневности. Повседневность как не праздник и не идеал (Л. Ионин). Повседневность про «здесь-и-сейчас». Два регистра культуры. Антропологический заряд исследований повседневности. Методология исследований повседневности: проблема жестких и мягких методов. Качественный метод как основной в исследованиях культуры повседневности. Культура повседневности как диалог различных подходов и точек зрения. Основные материалы и источники исследования. Репрезентативные феномены повседневной культуры: тело и телесность, дом, вещь, пища, сфера эмоций и др. Повседневность и творчество. Повседневность как продукт социокультурного конструирования. Значение анализа артефактов повседневной культуры в компетентностной модели культурологического образования, формировании умений и навыков профессиональной деятельности культуролога-менеджера.

Тема 4. Качественные методы исследования культуры повседневности

Повседневность как тематический центр, направление исследований социокультурной реальности, точка зрения разнообразных исследований культуры и общества. А. Шютц: повседневность как активная трудовая деятельность, направленная на преобразование внешнего мира; естественность установки; напряженное отношение к жизни; специфическое восприятие времени; личностная определенность индивида; особая форма социальности – типизированный мир. Повседневность – быт – частная жизнь – образ жизни. Реабилитация повседневности в XX в. Основные современные методы изучения культуры повседневности: метод case studies – исследование отдельных биографий, включение истории личности в локальные контексты деревень или городских районов; исследование долговременных трансформаций социокультурной сферы; символическая антропология (определение терминов и значений, которыми человек измеряет свои поступки); «плотное описание» – объяснение поступков через заложенное в них символическое описание; «вчитывание в текст». Язык описания и специфические исследовательские процедуры в культуре повседневности.

Необходимость практикума по современным качественным методам исследования.

Тема 5. Оповседневничество как механизм воспроизводства культуры повседневности

«Оповседневничество» у М. Вебера как процесс обживания, обучения, освоения традиций и закрепления норм. Повседневность и "жизненный мир" (Э. Гуссерль). Компоненты и качества жизненного мира. Разработка концепта "жизненный мир" А. Шютцем. Повседневность и конечные области значения. Повседневность и здравый смысл. Этнос повседневности и габитус личности. Понятие габитуса у П. Бурдьё ("Социология социального пространства"). Б. Вальденфельс: обыденная жизнь как результат процессов «оповседневничания», которым противостоят процессы «преодоления повседневности»; зависимость повседневности от места, времени, среды и культуры. Устная история в России. Специфика российской повседневной жизни (крестьянство и мещанство). Русское дворянство: детство, занятия, общение, воспитание, карьера, типы общения и социального статуса, семья (Ю. Лотман). Габитус советского человека (Н. Козлова "Советские люди", И. Сандомирская "Я так хочу назвать кино"). Быт и повседневность (И. Утехин "Очерки коммунального быта"). Семейная история; семья и брак в СССР (И. Орлов). Искусство и повседневность (С. Бойм " Общие места"). Современный «компьютерный мир» (Е. Золотухина-Аболина).

Тема 6. Повседневность и ментальность

«Антропологический поворот» в исторической науке и актуализация разработки специфического метода изучения повседневности. Люди и повседневность. Рыцарь (М. Оссовская), буржуа (М. Оссовская, Н. Козлова), крестьянство (Т. Шанин, Н. Козлова), интеллигенция (Н. Козлова, Ю. Лотман, Г. Кнабе, Л. Баткин). Понятие ментальности в исторической антропологии: М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби и др. Черты ментальности. Ментальность и центральная зона культуры (Э. Шилз). Культурные константы как структурообразующие компоненты ментальности в повседневности (С. Лурье). Ментальность и менталитет. Ментальность и язык. А. Вежицкая "Язык, культура, познание", Н. Рис "Русские разговоры", Н. Козлова "Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора". Субкультуры традиционной и современной повседневности.

Тема 7. Социальное конструирование повседневной реальности

Повседневная жизнь как базис социальности. Повседневность как зеркало общественных трансформаций. Объективное и субъективное конструирование повседневной реальности. Понятие "социального запаса знаний". Механизмы конструирования социальной реальности: хаби́туализация, институциализация, легитимация (П. Бергер, Т. Лукман). Типизация как всеобъемлющий механизм структурирования повседневной жизни (У. Липпман, А. Шютц). Эксперты и повседневность. Повседневность как система мест, в которых осуществляется деятельность, направленная на удовлетворение жизненных потребностей человека: дом, места работы, транспортные артерии, территории торговли предприятия сферы услуг и др. «Третьи места» как нейтральные территории для неформальных встреч сообщества, пространства свободного бескорыстного общения и личного участия в делах (дворы, магазины, кофейни, салоны красоты и др.).

Тема 8. Повседневность и миф

Мифотворчество как часть жизнедеятельности людей. Сущность, свойства и функции мифа. Миф как «выдумка», «легенда, предание», «иносказание в лицах», поток информации, содействующий развитию общества, «синтез знаний». Свойства мифологической реальности. Мифология как наука о мифе. Фольклорная действительность. Исторический миф. Современный миф. Социально-идеологические и социополитические мифы. Национальные мифологии. Мифы массовой культуры. Эстетический миф (китч, тоталитарное искусство, постмодернизм). "Мифологии" Р. Барта: миф как высказывание, знак и «похищение языка». Мифы в области питания, искусства, политики и спорта. Буржуазный миф. Коммунистический миф. Мифы эпохи потребления. Мифология рекламы. Современные мифологии и постфольклор (школа С. Неклюдова). Чтение и дешифровка мифа. Пределы мифологии.

Тема 9. Хронотоп повседневности

Пространство повседневности. Зонирование повседневного пространства: близко-далеко, право-лево, позади-впереди. Пространство повседневности: доступность пространства человеку, актуальное пространство; зона непосредственных действий, зона операций. Топография пространства повседневности. Человекообразность пространства повседневности. Сиюминутность, актуальность пространства, его объекты. Общественно-

приватное, приватно-публичное и приватное пространство. Базовая теоретическая схема пространства повседневности Н. Новиковой: пространство предметного мира, повседневной рефлексии и переживаний. Э. Холл: зоны официальности и интимности. Время повседневности. Внешнее и внутреннее время. Историческое время как ориентир биографии человека. Внутреннее время –местилище жизни и смерти человека. Будущее время как планирование; прошлое как отправной пункт.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов						
		Лекции	Практические занятия	Семинарские занятия	Лабораторные занятия	Иное	Количество часов УСР	Форма контроля
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Предмет, методология и проблемное поле исследований повседневности	2						
2.	Основные подходы к исследованию культуры повседневности	2	2					
3.	Феномен повседневности	2	2					
4.	Качественные методы исследования культуры повседневности	2						
5.	Оповседневнивание как механизм воспроизводства культуры повседневности	2	2					
6.	Повседневность и ментальность	2	2					
7.	Социальное конструирование повседневной	2	2				1	Коллективное обсуждение прочитанной

	реальности							литературы, презентация авторских фото и видеоматериалов, составление коллажей
8.	Повседневность и миф	2						
9.	Хронотоп повседневности		2				1	Проблемные задания. Интервью с «интересным человеком» с последующим обсуждением в группе
	<i>Всего 30</i>	16	12				2	

Общие методические указания по проведению семинарских занятий

Семинарские занятия строятся в соответствии с моделями, принятыми и отработанными высшей школой:

1. Семинар, предполагающий углубленное изучение курса и тематически прочно связанный с ним.

2. Семинар, предназначенный для основательной проработки отдельных наиболее важных и типичных в методологическом отношении тем курса или даже одной темы.

3. Семинар исследовательского типа с тематикой по отдельным частным проблемам науки для углубленной их разработки.

При изучении дисциплины "Культура повседневности" используются все модели, но по преимуществу вторая и третья, т.к. предмет во многом строится на конкретном анализе повседневного пласта культуры. Причины этого – необходимость исследовать большое число персоналий и концепций отечественных и зарубежных культурологов XX-XXI веков; акцентуация на самостоятельной работе студентов в свободное время; развитие навыков критического мышления; овладение методологией и техникой публичного выступления и участия в дискуссиях; использование полученного опыта в культурном проектировании.

Следовательно, основными формами семинарских занятий по дисциплине "Культура повседневности" являются:

- развернутая беседа по плану занятия;
- небольшие доклады студентов с последующим обсуждением участниками семинара;
- выполнение творческих заданий.

Выполнение творческих заданий возможно по договоренности студента с педагогом в форме реферата, интервью, эссе, коллажа, фотовыставки, видеопрезентации и др.).

Темы и задания к семинарским (практическим) занятиям

На семинарских (практических) занятиях запланировано проведение бесед по приведенным ниже темам учебного курса. Также по выбору студента можно отвечать устно в форме академического доклада; можно письменно в виде творческих заданий (реферат, интервью, эссе, коллаж, фотовыставка, видеопрезентация и др.).

Тема 1. Основные подходы к исследованию культуры повседневности

1. Основные этапы и подходы в исследовании повседневности (общая характеристика).
2. Этнографический этап – вт. пол. XIX – нач. XX в. (исследования и реконструкция быта разных народов, изучение обрядов, обычаев, телесных практик и т.д.).
3. Описательный подход как принцип этнографического исследования повседневности. Л. Леви-Брюль, Э. Тайлор, М. Мосс и др. концепции (на выбор)
4. Исторический этап: исследование жизненных ценностей и когнитивных категорий европейского средневековья. Й. Хёйзинга, Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр и др. представители "Школы Анналов" (на выбор).
5. Взаимоотношение исторической антропологии и теории повседневности.
6. Культурно-семиотический этап: ментальность, ценности, культурные смыслы: Г. Кнабе, Ю. Лотман, М. Бахтин, Э.Холл (на выбор).

Тема 2. Феномен повседневности

1. Феномен повседневности. Культура повседневности как диалог различных подходов и точек зрения.
2. Два регистра культуры.

3. Повседневность как продукт социокультурного конструирования.
4. Антропологический заряд исследований повседневности. Анализ "человеческих документов" и артефактов как основной метод исследования повседневности.
5. Методология исследований повседневности: проблема жестких и мягких методов.
6. Качественный метод как основной в исследованиях культуры повседневности. Основные материалы и источники исследования.
7. Повседневность и творчество.
8. Значение анализа артефактов повседневной культуры в компетентностной модели культурологического образования.

Тема 3. Оповседневивание как механизм воспроизводства культуры повседневности

1. Повседневность и "жизненный мир" (Э. Гуссерль).
2. Компоненты и качества жизненного мира. Разработка концепта "жизненный мир" А. Шютцем.
3. Черты повседневности (по А. Шютцу). Повседневность и конечные области значения.
4. Повседневность и здравый смысл.
5. Этос повседневности и габитус личности. Понятие габитуса у П. Бурдьё ("Социология социального пространства"). Габитус советского человека (И. Сандомирская "Я так хочу назвать кино"; Н. Козлова "Советские люди").
6. Быт и повседневность (И. Утехин "Очерки коммунального быта").
7. Искусство и повседневность (С. Бойм "Общие места").
8. Собственные реконструкции повседневности.

Тема 4. Повседневность и ментальность

1. Понятие ментальности (М. Блок, Л. Февр, Ж. Дюби и др.).
2. Черты ментальности.
3. Ментальность и центральная зона культуры (Э. Шилз).
4. Культурные константы как структурообразующие компоненты ментальности в повседневности (С. Лурье).
5. Ментальность и менталитет.
6. Ментальность и язык: А. Вежбицкая "Язык, культура, познание"; Н. Рис "Русские разговоры"; Н. Козлова "Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора" и др. (на выбор).
7. Субкультуры традиционной и современной повседневности.

Тема 5. Социальное конструирование повседневной реальности

1. Социальное конструирование повседневной реальности.
2. Объективное и субъективное конструирование повседневной реальности.
3. Понятие "социального запаса знаний".
4. Механизмы конструирования социальной реальности: хаби́туализация, институциализация, легитимация (П. Бергер и Т. Лукман).
5. Типизация как всеобъемлющий механизм структурирования повседневной жизни (У. Липпман, А. Шютц).
6. Эксперты и повседневность.
7. Наши дома, места работы, транспорт, «третьи места».

Тема 6. Хронотоп повседневности

1. Пространство повседневности. Зонирование повседневного пространства: близко-далеко, право-лево, позади-впереди.
2. Пространство повседневности: доступность пространства человеку, актуальное пространство; зона непосредственных действий, зона операций.
3. Топография пространства повседневности. Человекоразмерность пространства повседневности. Сиюминутность, актуальность пространства, его объекты.
4. Базовая теоретическая схема пространства повседневности Н. Новиковой. Зоны интимности и официальности (Э. Холл).
5. Время повседневности. Внешнее и внутреннее время. Историческое время как ориентир биографии человека.
6. Понятие биографии. Биография и история. Будущее время как планирование; прошлое как отправной пункт.
7. Моя биография как проект.

Организация самостоятельной работы студентов

Одной из форм организации работы студентов являются подготовка и написание самостоятельных работ – рефератов, докладов, выполнение разнообразных творческих заданий.

Самостоятельная работа студентов направлена на раскрытие, углубление и расширение в письменной форме проблематики учебного курса на основе использования рекомендуемой литературы, учебных и справочных материалов, научных статей, брошюр и монографий, документов эпохи, «живых голосов времени». При этом виде деятельности студенты формируют умение постоянно работать с книгой и первоисточниками (архивной информацией, письмами, дневниками, мемуарами, документальными фотографиями и др.), библиотечным каталогом, учатся сопоставлять различные точки зрения, анализировать, обобщать, последовательно и логично излагать материал, таким образом развивая свой опыт критического чтения и критического мышления.

Вместе с тем самостоятельная работа студентов является средством проверки их знаний, умения работать самостоятельно и творчески. По содержанию самостоятельной работы можно судить о том, насколько глубоко студент усвоил изучаемый материал, как разобрался в использованной литературе, в какой помощи нуждается. Качество работы учитывается преподавателем на зачете.

С точки зрения оформления самостоятельная работа должна быть выполнена аккуратно, со ссылками на изученную литературу и первоисточники, содержать собственные выводы, список использованной литературы.

Вариант задания на самостоятельную работу выдается студенту индивидуально. Возможны некоторые вариации в теме работы (по желанию студента) в соответствии с программой.

Прежде чем приступить к написанию текста работы, следует сначала познакомиться с существующей литературой по избранной теме. Лучше всего это сделать путем чтения учебных пособий, справочных изданий и рекомендованной литературы, последовательно и целостно освещающих те разделы социально-гуманитарного знания, к которым относится конкретная тема. Выполняя работу, следует давать конкретные ответы на поставленные вопросы. Недопустимо писать работу путем механического копирования отдельных мест из учебников, учебных пособий, брошюр и статей. Работа выполняется на основе критического использования рекомендованной литературы.

При составлении чернового варианта рекомендуется начать с составления плана работы.

Текст чернового варианта обычно пишется с одной стороны стандартного листа с оставлением широких полей, что позволит при необходимости делать в тексте правки и вставки. Содержание работы должно соответствовать вопросам и четко раскрывать их. При распределении количества страниц на каждый из вопросов варианта надо следить за тем, чтобы пропорции между частями работы не нарушались, сохранялись последовательность перехода от одного задания варианта к другому и общая логика изложения.

Заканчивается работа заключением, в котором содержатся общие выводы автора по всей теме контрольной работы.

Выполненный черновой вариант работы необходимо тщательно отредактировать: выверить цитаты и цифровые данные, сверить ссылки на источники, исправить грамматические и синтаксические ошибки, стилистические погрешности и т.п. После этого текст можно переписывать набело, строго соблюдая правила оформления самостоятельной творческой работы.

Использование технических средств обучения

Избранные лекции по проблематике культуры повседневности представлены в репозитории БГУКИ и в Интернете в электронном варианте. Также возможно использование Интернета для правки самостоятельных заданий. Кроме того, Интернет можно рассматривать как источник актуальной информации при изучении ряда тем курса "Культура повседневности" – например, в анализе моды (костюм, аксессуар), городского и жилого пространства (градостроительство, благоустройство, современный урбанизм, интерьер), "человеческие документы" (письма, фотографии, открытки, дневниковые записи) и др.

Литература

Основная

1. История частной жизни [Текст] : [в 5 т.] / под общ. ред. Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби ; [пер. с фр. Т. Пятницыной и Г. Беляевой ; под ред. В. Михайлина]. - Москва : Новое лит. обозрение, 2014-2019. - 21 см. - (Культура повседневности).
2. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии [Текст] : от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. - [3-е изд.]. – Москва : Новое лит. обозрение, 2018. - 482, [1] с., [8] л. ил., портр., цв. ил.; 21 см. - (Культура повседневности).
3. Марков, Б. В. Культура повседневности: учеб. пос. для бакалавров / Б.В. Марков. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2017. – 218 с.
4. Махлина, С. Т. Семиотика культуры повседневности: учеб. для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по гум. напр. / С. Т. Махлина. – 2-е изд., доп. – М.: Юрайт, 2020. – 253, [1] с.; 25x16 см. – (Высшее образование).
5. Махлина, С. Т. Художественная культура Востока. Повседневность и праздники : учебное пособие для вузов / С. Т. Махлина. - Москва : Юрайт, 2020. - 194, [1] с. : рис. ; 25x16 см. - (Высшее образование).

Дополнительная

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Акад. Проект. Фр. проект, 2010. – 351 с.
2. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
3. Бахтин, М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания [Электронный ресурс] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 323 с. – Режим доступа: https://royallib.com/read/berger_piter/sotsialnoe_konstruirovanie_realnosti.html#0. – Дата доступа: 03.04.2022.
5. Богданов, К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб.: Искусство, 2001. – 438 с.
6. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика; Культ. революция, 2006. – 268 с.

7. Бойм, С. Общие места. Мифология повседневной жизни. – М.: Новое лит. обозрение, 2002. – 320 с.
8. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. – Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.
9. Бурдьё, П. Социология социального пространства [Электронный ресурс] / П. Бурдьё; отв. ред. пер., сост. и послесл. Н. А. Шматко. – М.; СПб.: Ин-т эксперимент. социологии: Алетейя, 2007. – 288 с. – Режим доступа: <https://bookree.org/reader?file=671377>. – Дата доступа: 03.04.2022.
10. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 44–59. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/1365229/>. – Дата доступа: 03.04.2022.
11. Вайль, П. Гений места / П. Вайль. – М.: КоЛибри, 2006. – 239 с.
12. Вайль, П. 60-е годы. Мир советского человека. – М.: Corpus: АСТ, 2013. – 370 с.
13. Вайнштейн, О. Б. Денди. Мода, литература, стиль жизни / О. Б. Вайнштейн. М.: Новое лит. обозрение, 2005. – 640 с.
14. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социо-Логос. – Вып. 1 / сост. и общ. ред. В. В. Винокурова и В. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – С. 17–23.
15. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – 287 с.
16. Виоле-ле-Дюк, Э.Э. Жизнь и развлечения в Средние века: сб. очерков / Э.Э. Виоле-ле-Дюк. – СПб.: Евразия, 1997. – 375 с.
17. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 334 с.
18. Гиро, П. Быт и нравы древних греков / П. Гиро. – Смоленск: Русич, 2002. – 618 с.
19. Гиро, П. Быт и нравы древних римлян / П. Гиро. – Смоленск: Русич, 2002. – 571 с.
20. Золотухина-Аболина, Е. В. Повседневность и другие миры опыта / Е. В. Золотухина-Аболина. – М.; Ростов н/Д : МарТ, 2003. – 192 с.
21. Ионин, Л. Г. Повседневность как непростительный и неидеальный [Электронный ресурс] / Л. Г. Ионин // Художественный журнал = Moscow Art Magazine. – М., 1997. – № 17. – Режим доступа:

- <http://moscowartmagazine.com/issue/52/article/1035>. – Дата доступа: 03.04.2022.
22. История ментальностей: Историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: РГГУ, 1996. – 255 с.
 23. Капкан, М. В. Культура повседневности: учеб. пос. для студ. / М. В. Капкан. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. – 110 с.
 24. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 430 с.
 25. Кнабе, Г. С. Древний Рим – история и повседневность / Г.С. Кнабе. – М.: Искусство, 1986. – 206 с.
 26. Кнабе, Г.С. Дерево познания и древо жизни: сб. ст. / Г.С. Кнабе. – М.: РГГУ, 2006. – 736 с.
 27. Козлова, Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора / Н.Н. Козлова. – М.: ИФРАН, 1996. – 216 с.
 28. Козлова, Н.Н. Опыт социологического чтения "человеческих документов", или размышления о значимости методологической рефлексии / Н.Н. Козлова // Социологические исследования. — 2000. — № 9. – С.22-32.
 29. Козлова, Н.Н. Советские люди: Сцены из истории / Н.Н. Козлова. – М.: Европа, 2005с. – 544 с.
 30. Козлова, Н.Н. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения / Н.Н. Козлова, И.И. Сандомирская. – М.: Рус. феноменологическое об-во; Гнозис, 1996. – 255 с.
 31. Козьякова, М. И. История. Культура. Повседневность: Западная Европа: от Античности до XX века [Электронный ресурс] / М. И. Козьякова. – Москва : Согласие, 2013. – 526 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252984>.
 32. Куляпин, А. И. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи [Электронный ресурс] / А. И. Куляпин, О. А. Скубач. – М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2013. – 240 с. – (Коммуникативные стратегии культуры). – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=219832>.
 33. Ле Гофф Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. С.В. Чистяковой, Н.В. Шевченко; под ред. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 325 с.
 34. Лефевр, А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 3. – С. 33–36.

35. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре: моногр. / В.Д. Лелеко. – СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с.
36. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции российского дворянства (XVIII – начало XIX вв.) / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1999. – 414 с.
37. Людтке, А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке; пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона и др. – М.: РОССПЭН; Герм. ист. ин-т в Москве, 2010. – 271 с.
38. Новикова, Н. Л. Культура повседневности. Теоретический аспект / Н. Л. Новикова. – Саранск: Красный Октябрь, 2004. – 164 с.
39. Овчинников, Вс. Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 257 с.
40. Овчинников, Вс. Корни дуба: Впечатления и размышления об Англии и англичанах. – М.: АСТ, 2014. – 254 с.
41. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – 2 изд., испр. и доп. / М. Оссовская; пер. с польск. К. Душенко; общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 – 528 с.
42. Рис, Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис. – М.: НЛЮ, 2005. – 358, [7] с.: ил.
43. Розенберг, Н.В. Образ жизни как онтологическая сторона культуры повседневности / Н.В. Розенберг // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. – 2013. – № 1 (1).
44. Сальникова, Е.В. Эстетика рекламы. Культурные корни и лейтмотивы / Е.В. Сальникова. - М.: Алетейя, 2001. – 287 с.
45. Серто, де М. Изобретение повседневности / М. де Серто. – СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
46. Скопинцева, Т. Ю. Теория и история культуры повседневности России [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Т. Ю. Скопинцева ; Оренбургский государственный университет. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2010. – 142 с.: табл. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=27029>. – Дата доступа: 03.04.2022.
47. Уилсон, Э. Облаченные в мечты: мода и современность / Э. Уилсон; пер. с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш, К. Ляминой. – М.: Новое лит. обозрение, 2012. – 288 с.
48. Утехин, И.В. Очерки коммунального быта / И.В. Утехин. – М.: Объед. гуманит. изд-во, 2004. – 277 с.: ил.

- 49.Февр, Л. Чувствительность и история / Л. Февр // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 109-125.
- 50.Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга; сост. и пер. Д.В. Сильвестров. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 537 с.
- 51.Холландер, Э. Взгляд сквозь одежду / Э. Холландер; пер. с англ. В. Михайлина. – М.: Новое лит. обозрение, 2015. – 576 с.
- 52.Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / под ред. Ю. Бессмертного. – М.: РГГУ, 2000. – 586 с.
- 53.Шацков, В. С. Жизнь замечательных детей. Очерки по истории мировой игрушки / В. С. Шацков. – М.: Прометей, 1990. – 244 с.
- 54.Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира. Очерки по феноменологической социологии [Электронный ресурс] / А. Шютц. – М.: Ин-т Фонда "Обществ. мнение", 2003. – 332 с. – Режим доступа: <https://booksee.org/book/671702>. – Дата доступа: 03.04.2022.
- 55.Шютц, А. Структура повседневного мышления [Электронный ресурс] / А. Шютц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – Режим доступа: <https://ktru.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/A-SHyuts-struktura.pdf>. – Дата доступа: 03.04.2022.